
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
Даша Коэн
Обещаю, БОЛЬНО НЕ БУДЕТ

Даша Коэн

Обещаю, больно не будет

«Литнет»
2023

Коэн Д.

Обещаю, больно не будет / Д. Коэн — «Литнет», 2023

БЕСТСЕЛЛЕР! КНИГА ВЫШЛА НА БУМАГЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ FREEDOM — Надолго к нам? — Постараюсь побыстрее всё закончить и свалить. — А что так? — Провинция. Скучно. Пресно. Клубы. Доступные тёлки. Голимая муть... — Ты просто не всех перебрал. Есть тут одна Снежная Королева. За три года на потоке никто склеить не смог. — Даже ты? — Даже я. — Красивая? — Крем де Ля Крем. — Ну, допустим, заинтересовал. — Вангую — провалишься. Так же, как и все. — Спорим, что нет? — Давай...*** История Рафаэля Аммо:

© Коэн Д., 2023
© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1 – Шрамы 5
Глава 2 – Крючок 10
Глава 3 – Пыль 15
Глава 4 – Святая женщина 18
Глава 5 – Тихий омут 20
Глава 6 – Планирование – наше всё 23
Глава 7 – Пошла! 28
Глава 8 – В огне 31
Глава 9 – Вся наша жизнь - игра 36
Глава 10 – Меньшее из зол 39
Глава 11 – Винтики 44
Глава 12 – Бессердечная 47
Глава 13 – Наотмашь 52
Глава 13 – «А» 58
Глава 14 – Полетели 61
Глава 15 - Ок 64
Глава 16 – Не страшно 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Глава 1 – Шрамы

Вводное слово...

Предрассветное небо. Кривой провинциальный горизонт. И птички мило чирикают на ветках.

Ах, да!

Еще тут есть девушка в красивой атласно-кружевной пижаме, которая со всей дури колошматит битой по припаркованному у дома и ни в чем не повинному спортивному авто. А вот как она до этого докатилась? Это мы и узнаем на страницах этой книги.

Гоу!

Ярослав

Сентябрь. Наше время…

Музыка нещадно насилует мои барабанные перепонки. Глаза слезятся от дыма кальяна. Нервная система в раздражении верезжит от беспрерывного мелькания стробоскопов и лазеров. И я вроде бы понимаю, зачем мы пришли в это место, но оттого оно бесит меня не меньше.

Цель одна — спонсоры должны быть довольны, остальное побоку. Это лучшее место в городе. Напитки рекой. Девочки на любой, даже самый взыскательный вкус. VIP-места.

Мне бы тоже не помешало расслабиться и отпустить себя хоть на минуту, но я не могу. Я сейчас так близко к прошлому, что становится почти невыносимо держать себя в узде и продолжать корчить невозмутимый вид. Что всё нормально. Что меня всё устраивает. Что я не хочу ничего менять.

Кто-то бы сказал: «с жиру бесится». Ну да, ну да...

— Яр, пошли потанцуем, а? Музыка ведь так и шепчет покрутить бёдрами.

— Не отказывай ей, — киваю я своей сегодняшней спутнице, — иди, а я посмотрю.

Девица уходит, а я вздыхаю и сканирую глазами разношёрстную толпу на танцполе. Внезапно вздрагиваю и даже выпрямляюсь, вытягиваясь, как сурикат. Показалось? Наверное...

Сердце за рёбрами пропускает пару ударов, а затем падает куда-то в пятки и замирает там полудохлым куском мяса.

— Ты чего такой дёрганный, Яр? — наклоняется ко мне мой наставник и лучший друг отца Олег Караев. Смотрю на него и, пытаясь сделать непринуждённый вид, отмахиваюсь.

— Норм всё.

— Да я и вижу. Как прилетели в Краснодар, так тебя словно подменили. Вместо лица — недовольная жопа макаки.

— Я тебя умоляю, — закатываю я глаза и складываю на груди руки.

— Ты мне это кончай, Яр, — хмурится Олег и отпивает добрую половину пойла из своего бокала.

— Всё путём. Инвесторы в восторге. Глянь, — киваю я на визжащих от эйфории китайцев. Они буквально кипятком ссутся от вида наших девчонок, готовые выпрыгнуть из последних трусов, только бы их сейчас продолжали радовать.

Я когда-то тоже был таким лёгким на подъём. Вот только, кажется, это было в прошлой жизни. Теперь же, если я и выбираю любовь, то только напрокат.

— Я не об этом тебе сейчас толкую, — дожимает свою линию Караев, но дальше, знаю, уже не попрёт. Даже тогда, три с половиной года назад, когда я приполз к нему в Москву полудохлым овощем, он не задавал лишних вопросов. Просто вытаскивал, как мог и как умел — заставлял меня пахать как не в себя.

Тяжело подобрать слова, чтобы описать, насколько я ему благодарен.

Сложно называть его просто по имени, потому что за всё это время он сделал для меня больше, чем кто бы то ни был из моей семьи. У меня не было отца. У него не было детей. Мы с Олегом сложились как два пазла.

— Виолетта красивая, я не жалуюсь, — киваю я на извивающуюся на танцполе блондинку.

Темноволосые под запретом. Принципиально.

— А разве она не Лилиана?

— А разве мне не плевать? — дёргаю я уголком рта, имитируя улыбку.

— Завязывай с этим детским лепетом, Яр. Иначе ты уже завтра улетишь в Москву.

— Я адекватен, — с давлением в голосе цежу я, наклоняясь к собеседнику почти вплотную.

— Тогда улыбайся, чёрт тебя дери. Это всех раздражает больше, чем твоя кислая рожа.

— Иди в зад! — оба смеёмся.

— Я тоже тебя люблю, — шутливо бьёт меня кулаком в плечо, а затем по-отечески лохматит голову. Я фыркаю.

Оба чуток остываем от темы, но я всё-таки считаю своим долгом успокоить мужчину, который так много вложил в наше общее дело и в меня, в частности.

— Я в лепёшку разобьюсь, но мы своего добьёмся, Олег. Это уже не просто бизнес для меня. Это дело принципа. Особенно сейчас, когда дед из своего шикарного кожаного кресла вставляет нам палки в колёса. Я его всё равно поимею.

— А вот это по-нашему, — хлопнул меня по плечу Караев и переключился на рабочие моменты, тут же врубая на полную мощность режим балагура и своего парня в любой компании. Чёртов хамелеон.

Я же приклеиваю к лицу дежурную улыбку и потягиваю из стакана минералку, поглядывая на то, как моя очередная Виолетта призывно крутит бёдрами и шлёт мне воздушные поцелуи. Так мило, что даже тошнит. Но я всё равно приказываю себе безотрывно смотреть на девушку. И наслаждаться вечером.

Наслаждаться, я сказал!

В грудь неожиданно снова со всей дури влетает петарда и взрывается до шума в ушах. Я в непонимании кручу головой, забывая про всё на свете. Виолетта обижается, что я её снова игнорирую, возвращается на зону и присаживается ко мне, чуть ли не с ногами забираясь на колени. Трётся кошкой, что-то жарко выпрашивает на ухо, цепляя языком мочку.

Меня передёргивает, но я только шикаю на неё и продолжаю искать источник своего раздражения.

И наконец-то нахожу.

На полной скорости я врезаюсь взглядом в наглые, абсолютно беспринципные глаза некогда лучшего друга.

— Аммо, — шепчу я, а он, будто бы услышав свою фамилию на расстоянии сквозь громкий бит, улыбается мне фирменной улыбкой городского сумасшедшего и салютует бокалом, наполненным до краёв.

Кивает, будто бы не мы три с половиной года назад чуть не поубивали друг друга из-за девушки. Отпивает. Поигрывает бровями, в одной из которых поблёскивает пирсинг. Подмигивает мне.

Оскаливаюсь, фыркаю и отворачиваюсь, хотя за рёбрами у меня прямо здесь и сейчас творится настоящий ад. Кулаки фантомно чешутся. По венам бежит уже даже не кровь, а чистый адреналин.

Я пытаюсь успокоиться, но ничего не выходит. Картинки уродливого прошлого одна краше другой всплывают у меня в голове, оставляя новые ожоги поверх затянувшихся шрамов. Меня взрывает.

Я помню, что именно сделал Он.

Я помню, что именно сделала Она...

— Олег? — хриплю я, скидывая с себя вопящую от недовольства Виолетту.

— Что? — смотрит на меня Караев и в момент меняется в лице.

— Я поеду.

— Осади!

— Да не могу я! — рычу и встаю с дивана, молясь, только чтобы не пошатываться от дикого внутреннего шторма, который выбивает мои предохранители.

— Ок, но тихо, ладно.

— Не маленький. Сам знаю, — цежу я.

Жму руки всем присутствующим за столом. Бегло извиняюсь за свой побег. А затем рву к выходу.

Вижу, как Аммо встаёт со своего насеста и пытается меня перехватить.

Сейчас прикину ему на воротник. Ага...

Перегораживает мне проход, но я, не сбавляя скорости, только сношу его со своего пути. Плечом к плечу, и он отшатывается.

Ржёт.

Урод.

Хочется вернуться и ещё раз пересчитать ему зубы.

Но я себя тушу и сажу на цепь.

Хватит. Всё в прошлом.

Навсегда!

———

Дорогие читатели, добро пожаловать во вторую часть моего романа "Спорим, тебе понравится?". Первую книгу можно найти по ссылке:

https://litnet.com/shrt/hTnL

Приятного чтения!

Глава 2 – Крючок

Ярослав

Утром просыпаюсь от молота, который яростно долбит по моей башке, словно по наковальне. Застонал. Перекатился с одного бока на другой, но легче не стало. Накрылся подушкой с головой и приказал себе уснуть. Но где я, а где самовнушение?

Чертыхнулся, отскоблил бренное тело с постели и пополз в душ, словно мне было не двадцать один, а все девяносто три. Знаю, всё это результат бессонной ночи. Но, что поделать? Так бывает, когда на полной скорости врезаешься в своё уродливое прошлое, которое даже спустя три с половиной года способно знатно прокомпостировать мои мозги вместе с уже устоявшимся внутренним миром.

Тихим. Спокойным. Размеренным.

А теперь вот — всколыхнулась осевшая вонючая тина, показав никому не нужные очертания похороненных воспоминаний. Их было слишком много. Целое кладбище истлевших костей. А за рёбрами от одного только украдкой брошенного взгляда тянет. И снова хочется вернуться назад.

Что бы что?

Чтобы сделать ещё больнее. Потому что сейчас кажется, что пожалел. Надо было добить. Надо было растереть в порошок. Тогда мне было хотя бы легче дышать.

Встаю под холодные капли и облегчённо выдыхаю. Тело просыпается, но мозг по-прежнему взбит в кровавый гоголь-моголь. Вытираюсь, надеваю халат и телепаюсь до кухни, где, с тихим стоном и великим прискорбием, прихожу к выводу, что кофе закончился.

— За что? — вскидываю я голову к потолку и понимаю, что без чашки ароматного ристретто сейчас просто не смогу окончательно вернуться к жизни. Так и буду ходить зомбак зомбаком.

Покряхтел обречённо, но всё-таки потопал в гардеробную, где висели немногочисленные мои вещи, прихваченные из столичной квартиры. Схватил какую-то первую попавшуюся белую футболку и голубые бермуды, натянул всё на себя и водрузил на нос солнцезащитные очки, скрывая синяки под глазами от бессонной ночи, а затем припустил на выход.

По пути принял звонок от Олега. Китайцы все подписали. Котлованы начинают рыть на следующей неделе, но Басов-старший тоже не сидит сложа руки и землю роет, но уже носом. Под нас, хотя вся эта эпопея на девяносто процентов заслуга Караева, но деду плевать. Ему в этом мире априори все должны и обязаны

— Позвони старику, поговори с ним, Яр. Ну это уже не смешно.

— Олег, ему не разговоры со мной нужны. Он хочет получить наши активны, и минимум половину. Скажи, ты пойдёшь на это?

— Нет.

— Вот и я нет. Мне хватило прошлогоднего инцидента.

— И того, что он сделал три с половиной года назад? — осторожно прощупывает мужчина тонкий лёд, но я уже пришёл в себя и снова оброс стальной бронёй.

— На это мне давно плевать.

— Ладно.

— Ладно...

— В офисе сегодня тебя ждать?

— Честно? Пока не готов.

Отбиваю звонок и на ходу до пункта назначения гуглю последние сводки по дорогому родственнику. Мэром нашего города он так и не стал, зато каким-то невообразимым образом пролез в команду губернатора края и сейчас сидел в кресле его первого заместителя. Мы рабо-

тали красиво и чисто, но старый пройдоха всё равно разнюхал, откуда ветер дует и теперь из кожи вон лез, чтобы задним числом аннулировать все наши разрешения и договорённости по масштабной стройке. Или и вовсе выставить нас злостными нарушителями.

К примеру, сейчас Тимофей Романович ратовал за то, что землю под будущий Дворец спорта, парк и многоуровневую парковку мы выбили незаконно, в обход мнениям граждан, видите ли. А сейчас втихую проплачивает широкомасштабные акции, где абсолютно точно купленные люди скандируют «нет» нашему проекту.

— Жадный идиот, — буркнул я, заблокировал телефон и зашёл в тихое, уютное кафе, которое располагалось в притирку к квартире, которую я снял на время пребывания в этих краях. Здесь, по моему мнению, и на моё счастье, варили лучший кофе в городе.

Сел за столик у окна. Озвучил свой заказ подошедшей ко мне молоденькой официантке, на вид ещё школьнице. Молодец, подрабатывает, а не тупые тиктоки снимает, демонстрируя на потеху отмороженным бакланам собственный зад.

Вяло улыбнулся и накинул на чай — это всё, на что меня хватило, а спустя три минуты, словно умирающий от жажды присосался к своему свежесваренному кофе. И зачем-то снова завис в воспоминаниях. Затем на кой-то полез в карты, прикидывая, сколько уйдёт времени добраться до города из моего прошлого. Шесть, максимум семь часов. Если выехать прямо сейчас, то к вечеру я уже успею вернуться.

Зачем?

Ну, может, проверить свою однушку, которую я так и не смог продать. И маяк, который забросил, да так и не довёл до ума.

Или убедиться, что у меня за рёбрами уже ничего не осталось и я наконец-то стал свободным от своих демонов.

— Да к чёрту, — бормочу под нос и отшвыриваю от себя телефон, — я и так это знаю.

В собственном загрузе не особо обращаю внимание на то, что дверь в кофейню открывается, а вместе с ней по помещению разносится перезвон колокольчика, предупреждающий персонал о новом посетителе. От кассы слышу тихое бормотание и бодрый голос девушки-бариста. Громкий смех. Жеманное пожелание доброго дня.

А затем кожаная обивка дивана напротив меня жалобно поскрипывает под чьим-то весом.

Лениво поднимаю глаза и замираю.

— Ну привет, что ли.

— Угу, — киваю я и хмыкаю, хотя внутри меня в секунду всё вскипает и дрожит от едва сдерживаемой ярости, — я надеюсь, ты не решил сделать меня предметом своего сталкерства?

— Губу закатай, Басов, — смеётся Аммо, — это моя кофейня.

Твою мать!

— А ты совсем не изменился, — после минутного и неудобного молчания выдаёт бывший друг и прищуривается на один глаз, крутит пирсинг в правой брови и перманентно мне улыбается.

Да, жаль. Очень жаль, что я тогда, три года назад не вынес ему парочку передних зубов. Сейчас бы потешился.

— Я польщён, Рафик, — хмыкаю я.

— Неужели? — прикладывается он подбородком к ладони и так замирает, изображая бурный интерес к моим словам.

— Столько времени прошло, а ты помнишь все мои трещинки, — допиваю одним глотком кофе, а затем собираюсь встать и уйти, но Аммо не даёт мне такой возможности.

— Лена, ещё один ристретто за наш столик. И пончик с сахарной пудрой.

— Будет сделано, босс.

Я тут же оседаю, чтобы не выглядеть истеричкой. Принимаю максимально расслабленную позу и отзеркаливаю улыбку мудака, что сидит напротив.

Молчим, пока мне не приносят новую порцию кофеина. Я к ней уже не притрагиваюсь. Просто сижу и сверлю бывшего лучшего друга взглядом, дожидаясь очередного хода с его стороны.

— И как Москва?

— Стоит.

— Как банально, — фыркает Аммо.

— Извини, что не смог тебя порадовать, — пожимаю плечами.

— Ну, ты тоже меня извини, раз пошла такая пьянка, — в момент меняется лицо парня. Он облизывается и устремляет бесконечно пустой взгляд куда-то вдаль. Вздыхает. Сосредоточенно трёт переносицу указательным и большим пальцем.

— Ты же не планируешь расплакаться? — уточняю я.

— Нет, — поджимает он губы, — определённо нет.

Срывается в смех, и я на секунду жалею, что у нас с этим придурком закончилось всё так паршиво.

— Бас, знаешь, мне чертовски тебя не хватало, — неожиданно вверчивается в меня взглядом Аммо, и мы зависаем так на несколько бесконечных секунд.

— Прости, Раф, но мне было некогда скучать, — даю я знак девушке за стойкой подать мне воды и складываю предплечья на столешнице, понимая, что сбегать от прошлого уже не комильфо.

— И что заканчивал?

— Караев засунул меня в какую-то пафосную частную московскую школу.

— Завидую, — хмыкнул Аммо.

— Завидуй, — отзеркалил я его реакцию.

— А дальше?

— Да всё банально, Раф. Спорт почти забросил, вышка, параллельно дрессировка в офисе, выспаться из разряда мечты.

— Ну на клуб с блондинкой ты вчера всё-таки нашёл время?

— Рабочая встреча.

— Да я уж смотрю новости, Бас. Круто вы в регион зашли, ничего не скажешь. С размахом. Зачёт.

— Ну а ты?

— А что я? Жалкий студент третьего курса. Закончу вышку, сменю мать на посту. Ты же сам знаешь, за меня биографию ещё до моего рождения написали.

— Ты жаловаться, что ли, собрался?

— Нет, что ты? Я хвастаюсь, вообще-то. Это ты пашешь как не в себя, а я ещё и жить успеваю. Но смотри, только не сдохни от зависти.

— Ха-ха...

Какое-то время молчим, каждый думает о своём, перевариваем эту встречу. Я буксую в снежной каше из прошлого и настоящего. Мне и горько, и тошно, и наконец-то легко оттого, что я вскрыл этот абсцесс на собственной подкорке и выпустил из него весь шлак, который копил годами.

— Басов?

— М-м?

— Мне правда жаль.

— Раф, осади, я давно уже перегорел к этой теме.

Я отчаянно вру. Не перегорел. Я просто так думал, потому что так было легче ходить, дышать и жить. Но до сих пор где-то глубоко внутри меня свербит и хочется вытворить какую-то дикую дичь, чтобы уже наконец-то полегчало.

И отпустило.

Но как признаться бывшему другу, что я всё ещё оголённый нерв? Что он был прав? Что я был дураком? Никак. Лучше сразу застрелиться.

— Я рад. Все эти годы, знаешь, крутил в голове, что может перегнул. Переживал.

— Забей, — равнодушно бросаю я, хотя внутри шипят фитили на заложенной под мою выдержку тонну взрывчатки.

— Вчера в клубе ты думал иначе, — наглядно потирает своё плечо Аммо, и я улыбаюсь.

— Ты же не обиделся?

— Нет, — кивает он, — всё по делу.

Снова погружаемся в молчание. Меня чуть отпускает, и я успокаиваюсь. Хотя на языке крутится желание задать вопрос про Неё. Хочется узнать, сразу ли она уехала или всё-таки доучилась в гимназии, раз я сам свалил.

Но снова себя осекаю. Не, ни фига. Не хочется. И точка.

— Надолго вообще к нам?

— Постараюсь побыстрее всё закончить с подготовкой к строительству и свалить.

— А что так? — вопросительно приподнимает брови Аммо.

— Провинция. Скучно. Пресно. Клубы. Доступные тёлки. Голимая муть..., — осекаю я бывшего друга, давая понять, что вся эта жизнь уже не про меня.

— Ты просто не всех перебрал, Бас. Есть тут одна Снежная Королева. За три года на потоке никто склеить не смог.

— Даже ты? — усмехаюсь я, на полном серьёзе считая, что для Рафаэля Аммо нет преград, когда он чётко ставит перед собой цель.

— Даже я, — огорошивает Раф меня этим признанием.

— Красивая? — дёргаю уголком рта и чувствуя в себе, казалось бы, давно умерший азарт охотника.

— Крем де Ля Крем. У нас даже ставки денежные ставили, кто уведёт главный приз и сорвёт вишню, но воз и ныне там.

— И много на кону?

— Прилично. Но суть дела не меняет. Тут уже скорее спортивный интерес.

Я на мгновение зависаю, вспоминая, чем закончились последние подобные жестокие игры. Но говорят же, клин клином вышибаюсь. Может это именно то, что надо для того, чтобы окончательно выполоскать из своих мозгов картинки минувшего прошлого?

Не знаю.

Мы ведь уже не дети.

А с другой стороны, пора бы наконец-то переключить себя с режима «умер» на режим «жив».

— Ну, допустим, заинтересовал, — вяло выдаю я, но Аммо будто бы чувствует мой слабый энтузиазм и смыкает свои крокодильи челюсти на моей шее.

— Вангую — провалишься, — отмахивается он от меня, словно от навозной мухи. — Так же, как и все.

— Спорим, что нет? — на азарте выпаливаю я неосознанно. Никогда не умел проигрывать.

— Давай. Но просто так неинтересно харизмой и причинными местами мериться. Согласен? У меня тут на облаке твои ню-фото хранятся со вписки у Серяка. Если проиграешь — солью журналюгам.

Он ржёт. Я тоже начинаю по дикому хохотать. Аммо, как был сутулой собакой, так ей и остался.

— Я надеюсь, ты тоже помнишь, что моё облако полно компромата?

— Да, — кивает Раф и хлопает в ладоши, — весело и сердито, Бас. Всё как я люблю.

— Идёт, — киваю я и допиваю свой остывший кофе.

— Я рад, — подаёт мне руку Аммо, и я её всё-таки пожимаю, принимая ставки.

— Ладно, мне пора, — наконец-то отрываю я пятую точку от диванчика и встаю на ноги.

— Приятно было поболтать, Бас, — затем вытаскивает телефон из моих рук и делает себе прозвон, — в понедельник подбери меня. Адрес я скину.

— Надеюсь, ты не зря потратишь моё время.

— Обижаешь, — расплывётся в улыбке Чеширского Кота Раф и отдаёт мне под козырёк.

Прощаемся. А через два дня встречаемся у его дома, где я подбираю эту небритую тушку и везу его в институт. На парковке долго ждём объект нашего спора. Я чуть проседаю в своём азарте, и вся идея уже не кажется мне такой соблазнительной, как при первом впечатлении.

Но всё меняется, когда буквально в нескольких метров от нас с визгом тормозит такси.

— Это она, — стряхивает с себя расслабленность Аммо и приподнимается на переднем сидении.

А я с восторгом смотрю, как из машины торопливо выходит королевишна. Да нет, куда там? Царица египетская. Ноги от ушей. Фигура — умереть, не встать — всё при ней. Вау! Задница, сиськи, талия. В солнцезащитных очках на половину лица, но губы красивые и пухлые. Один минус — шатенка. Я их последние три с половиной года на дух не переваривaю.

Ну ладно. Не страшно.

Стартуем. Я в игре.

Глава 3 – Пыль

Вероника

Декабрь. Три с половиной года назад…

Моё настоящее — это словно кадры кинохроники. Чёрно-белое немое кино и только бродяги Чарли не хватает на заднем плане, выплясывающего чечётку, чтобы эффектно оттенить весь ужас происходящего, в котором я увязла по собственной же глупости по самые гланды.

Топкое, гнилое болото — вот что ждало меня впереди.

Первоначальная истерика от столкновения с жестокой правдой прошла. Я перестала плакать, но впала в совершеннейший ступор, и какое-то время могла лишь сидеть с расширившимися от ужаса глазами и смотреть прямо перед собой. Всё!

Тело крупно трясло в непрекращающемся ознобе. Сознание блёклыми вспышками отмечало какие-то злые слова матери, бабкины причитания и изменения в моей комнате, которые я совершенно не заметила, когда вернулась домой после своего идиотского побега за мечтой. Я была в такой эйфории, что не видела ничего дальше собственного носа, повизгивая от восторга.

Ну надо же, сам Ярослав Басов предложил мне поддержку, опору и ключ от собственной квартиры. Чума? Чума!

А теперь я наконец-то прозрела.

Полки пустые. На столе нет моих тетрадей и стакана с цветными карандашами. Со стены пропали все грамоты, подаренные мне за успехи в учёбе ещё в прошлой школе. Шифоньер тоже оказался пуст, лишь голые вешалки отчаянно поскрипывали на металлической штанге.

Как это всё прошло мимо меня? Наспех схватила со стула висящую там сменную одежду и на том успокоилась? А теперь, что получается?

— Мои вещи в тех коробках, да? — прохрипела я и кивнула в сторону гостиной.

— Нет, — рубанула мать.

— Специально их спрятала, чтобы меня не отпускать, что ли? — горько усмехнулась я и покачала головой.

В ответ на эти слова мать только зло зыркнула на меня, а я от неё отвернулась, снова окунаясь в густой протухший кисель из воспоминаний. И всё плавала в нём, казалось бы, бесконечно прокручивая в голове всё то, во что я так эпично вляпалась.

Как красиво, чёрт возьми! Как красиво каждый из этих монстров меня развёл. И я бы, если бы внутри меня не кипела серная кислота, даже поаплодировала стоя всем своим обидчикам за каждый их чётко-выверенный ход на доске этих жестоких жизненных шахмат. Ведь я всё верила, верила, верила, что на шаг впереди... Боже, нельзя быть такой хронической дурой!

Нельзя!

— На вот, переоденься, Вера. И быстро! Нас уже машина ждёт.

Не сдвигаюсь с места ни на миллиметр. Не могу. Не хочу. Не буду!

— И кончай реветь! — с удивлением прикасаюсь к щекам и чувствую солёную влагу. — Уже всё, наделала делов. А я тебе говорила! Говорила, Вера! Но кто бы слушал умную, наученную жизни маму, когда задница требует собственных приключений, правда? Ну что, весело было тебе, скажи? Отвела душу? Довольна? По балконам налазилась, пока этот гад насмехался над тобой? Господи, даже я в своё время не была такой тупицей!

— Алечка, там бесполезно стучать. Закрыто.

— Вся гимназия теперь будет в курсе того, что ты позволила себя использовать. Вся, ты меня слышишь? Каждого просветят, уж поверь мне, да ещё и красок добавят. И фотографии эти, что ты увидела в моём телефоне, станут твоей визитной карточкой, милая доченька. А Басов, на пару со своей компанией шакалят, примется облизывать каждую мельчайшую

подробность своего героического поступка. Пока ты окончательно не опустишься в глазах окружающих ниже плинтуса.

— Аля, ты бесполезно сотрясаешь воздух.

— Ай, — отмахивается мать, — помоги её лучше переодеться. Опоздаем же.

Куда опоздаем? Зачем? Почему?

Насильно умывают холодной водой. Затем крутят как куклу, меняя мокрые тряпки на сухие, но мне плевать. Я — овощ. Фактически! Да и толку нет. Как было холодно и мерзко, так и осталось. Что внутри, что снаружи. Так бывает, когда гадят в душу. Особенно самые близкие. И любимые...

Наконец-то выходим из квартиры. Мать выкатывает в подъезд два больших чемодана и закрывает за собой дверь. Я хмуро и непонимающе смотрю на них.

— Мам? — подбородок начинает жалобно дрожать.

— Мне не нужны проблемы, Вера. А ты к ним ещё и прилично прибавила. Семью в грязи вываляла, да и сама изгваздалась с ног до головы. Теперь уже не отмыться!

Отвожу взгляд, грудь начинает судорожно вздыматься, запуская во мне новый приступ истерики.

— Или отыграем, доченька? Давай вернёмся, и завтра ты в развесёлую припрыжку поскачешь в гимназию, где каждый будет тыкать в тебя пальцем и называть подстилкой Басова. И это в лучшем случае. Ну, об этом ты так безудержно мечтаешь?

— Нет, — хриплю я, начиная задыхаться от иррациональной внутренней паники.

— То-то же, — кивает она, — значит, не все ещё мозги растеряла со своими любовными любовями.

Поспешно выходим из дома и садимся в машину, что уже услужливо ждёт нас у подъезда. Хотя меня, скорее силой туда трамбуют, потому что я вновь превращаюсь в изломанную куклу. Проживая очередную катастрофу в своём умирающем мире, я не замечаю того, что автомобиль, в который мы сели слишком шикарный, а водитель и вовсе одет в чёрный костюм-тройку.

Я отмахиваюсь от всех этих нестоящих для меня деталей. Снова ударяюсь в тихие слёзы, жалея себя, потому что больше некому. И на две недели мысленно прощаюсь с городом, с которым теперь у меня ассоциируется самая большая в жизни боль и самое огромное счастье, пусть и искусственно раздутое.

Пусть! Зато я была всегда честна, в отличие от всех этих беспринципных гороховых шутов.

Правильно мать меня увозит. За две недели у меня всё отболит, затянется и покроется пуленепробиваемой коркой новой брони. А дальше я вернусь и с высоко поднятой головой пройду мимо того, кто вытер об меня ноги.

Я пройду, да! А он увидит, что не сломил меня. Не превратил в пыль. Да, возможно, я вышла из этой партии проигравшей, но зато стала сильнее и умнее. Ведь теперь я назубок выучила тот урок, что мне так усердно вкладывали в голову.

Монстры любить не умеют. Лишь загоняют и рвут на части, забавы ради.

Всхлипнула судорожно и стиснула дрожащие пальцы, а затем постаралась выдохнуть своё отчаяние, когда машина остановилась у железнодорожного вокзала. Водитель помог выгрузить чемоданы из багажника и угрюмо кивнул моей матери.

А дальше перрон, вагон и женское купе, где кроме нас никого.

— И в какой монастырь едем? — неузнаваемым, изуродованным душевной болью голосом прервала я затянувшееся молчание, когда состав тронулся, а проводник принёс нам постельное бельё.

Мать с бабкой переглянулись, но на вопрос мой не ответили.

— Спи, Вера, — только и услышала я глухой приказ, а затем легла на верхнюю полку и попыталась уснуть.

Но увы. Сердце, разорванное в клочья, корчилось в невыносимой предсмертной агонии. Суставы выкручивало, а кости ломало — это тело рвалось туда, где по нему уже раз и абсолютно хладнокровно проехались танком. Спустя пару часов стало и вовсе невыносимо. Я скрутила пододеяльник жгутом и вставила его между зубов, а затем накрылась подушкой с головой, принимаясь беззвучно орать в никуда.

И только мелькающие в окне фонари были свидетелями моих сердечных мук. Мать и бабка тихо посапывали на нижних полках. Им не было дела до того, что я изнутри вся сгораю.

Через шесть часов и сорок две минуты поезд остановился на неприметном полустанке, а мы, кутаясь в свои ветровки, вышли в промозглую ночь. Молча добрались до куцей вокзальной площади. Поймали сонного бомбилу, который без особого желания довёз нас до нужного адреса.

Только остановился он не перед воротами древнего храма, а возле двухэтажного жилого дома с белой и потрескавшейся штукатуркой на стенах.

— Мам? — поёжилась я и покосилась на беспробудного спящего мужчину, вольготно развалившегося на ближайшей лавочке.

— Что, не нравится? — неожиданно зло огрызнулась мать и я тут же боязливо отступила шаг назад.

— Я не понимаю, — растёрла лицо ладонями, приказывая подбородку не дрожать.

— А что тут понимать, Вера? Это твой новый дом, — указала она выкрашенной синей краской балкон на втором этаже, — привыкай.

О боже...

Глава 4 – Святая женщина

Вероника

Квартира, в которую мы поднялись по деревянным, чуть поскрипывающим ступеням была небольшой, но трёхкомнатной. Её нам открыла заспанная соседка, которая оглянула мать с головы до ног заинтересованным взглядом, хмыкнула, буркнула: «сами там разберётесь» и захлопнула дверь.

Мы прошли в, пахнущее пылью и запустением, помещение и переглянулись. Я таращила глаза в панике, на меня же смотрели с нескрываемой злостью.

— Чемоданы утром разберём, а теперь спать.

Я возражать не стала. Прошла в комнату, на которую мне указали, а затем расстелила на кровати, сложенное стопкой, чистое постельное бельё. Но уснуть не могла. Я ещё не знала, но бессонница на долгие месяцы стала моей верной спутницей, нагоняя ужасы и в без того серое, засыпанное пеплом существование.

Дальше дни летели мимо меня монохромным калейдоскопом, не отличаясь друг от друга особо ничем, за исключением того, что градус моей агонии лишь повышался день ото дня. Усугубляло ситуацию то, что у меня совершенно не было никакой связи с внешним миром. Снова лишь кнопочный телефон с тарифом «родительский контроль», да зомбоящик, по которому больше врали, чем говорили правду.

Так и жила. Тупо уставлюсь в окно, картинка, за которым особо никогда не менялась и тихо плакала, чтобы не раздражать мать. Она вообще не считала, что у меня возникли какие-то проблемы. Наоборот, это я их создала сама, но не себе, а им расчудесным.

Неблагодарная тварь — это прозвище всё чаще с язвительными, наполненными ядом интонациями, вырывалось из уст дорогой родительницы тогда, когда она думала, что я ее не слышу.

В школу в этом году я уже не пошла, но мельком видела выбеленное штукатуркой большое трёхэтажное здание, когда меня отправляли в магазин за хлебом. Там-то я и узнала название места, в котором мы очутились.

Это был крохотный посёлок с населением всего чуть более трех тысяч человек. Но, увы, расположенный в горно-лесной местности, между двумя живописными речушками, он совсем не радовал меня своей первозданной красотой. Скорее наоборот, ещё больше угнетал, ибо казался ещё глуше того закрытого городка, в которым мы жили до трагических событий в нашей семье и переезда на берег Чёрного моря.

— Мам, пожалуйста, давай вернёмся, — в один из дней, когда стало почти невыносимо, тихо и с отчаянием произнесла я, сидя за столом в кухне.

— Вон дверь, — кивнула мать, — я тебя не держу. Бог даст, не пропадёшь.

— Ну почему? Это же только моя боль. Я с ней справлюсь!

— Боль твоя, а позор мой.

— Пожалуйста...

— Не заставляй меня произносить то, что я однажды тебе уже говорила, Вера. Тогда я о своих словах пожалела, но сейчас не уверена, что результат будет таким же.

Значит, она не забыла тот случай, ссылаясь на якобы пьяный лепет? Что ж, я не удивлена. Да и я тоже всё помнила до сих пор и в мельчайших подробностях. Интонации. Её злое рычание мне в лицо. Десять лет прошло с тех пор, но я никогда не смогу забыть, как родная мать говорила то, что ни один ребёнок на свете не должен услышать от своего самого любимого в мире человека.

«Ты! Это ты должна была сдохнуть в моём утробе, а не Игорь! Ты! Я столько молилась об этом. Мечтала, что однажды проснусь, а у меня случился выкидыш, но нет. Боже, ну

почему я тогда не сделала аборт? Почему? Ты же мне теперь словно кость поперёк горла! Дышать мешаешь! Жить мешаешь! Никогда не смогу тебя полюбить. Слышишь? Никогда! Смотрю на тебя и вижу самодовольную рожу твоего папаши. Вы оба исковеркали мне жизнь! Ненавижу вас обоих!!!»

Раньше, когда я воскрешала все эти ужасные слова в памяти, то тут же получала ментальной кувалдой по сердцу, со слезами на глазах наблюдая, как от него ничего не остаётся, кроме кровавых ошмётков, разлетающихся в стороны.

Теперь?

Плевать. Кое-кто сумел сделать мне гораздо больнее. На том тему и закрыли.

Новый год и все последующие праздники я провела одна в пустой квартире, со слезами на глазах глядя на то, как ветер клонит к земле кроны деревьев. Не знаю, но мне почему-то становилось легче смотреть на них. Тогда я представляла себя не такой одинокой, как было на самом деле, и смело противостоящей стихии во что бы то ни стало.

Где были всё это время мать и бабка? Вопрос из разряда риторических — в церкви, конечно. В посёлке она была одна-единственная и женщины быстро нашли среди прихожан родственные души, пропадая либо на проповедях, либо на посиделках у новых знакомых.

Меня не приглашали. Я же теперь была пропащая грешница. А вот и плюсы подъехали, да? Как там говорят, они должны быть везде? Так вот — не врут.

Квартиру, в которой мы прожили ровно две недели, я описать не смогу, даже если мне приставят к виску дуло пистолета. Я её просто не видела: две спальни, гостиная, кухня и раздельный санузел. Балкон был намертво заколочен и не открывался. Не знаю уж по какой причине: так исторически сложилась или мать постаралась. Вот и всё, что я запомнила. В остальном — одна сплошная серая клякса, как и каждый мой прожитый день.

А потом мы переехали. И не абы куда, а в большой, двухэтажный дом на горе, из окон которого открывался просто потрясающий вид на окрестности, лес и плутающую реку. На участке был разбит сад, и отдельным симпатичным строением стояла банька. Внутри же самого жилища был выполнен качественный ремонт, а также обнаружилась новая мебель и дорогая бытовая техника.

Из разговора бабки и матери я поняла, что этот дом принадлежал раньше аж самому главе посёлка, но ему предложили более жирное место в районном центре и он, не задумываясь, выставил недвижимость на продажу.

И хотя родительница моя с барского плеча указывала мне на дверь, но всё же были во всём этом и несостыковки.

— Мам, а где мой паспорт? — уточнила как-то я. — В папке с документами его нет.

— А тебе он зачем?

— Думала съездить в Краснодар на день открытых дверей, чтобы к вузам присмотреться.

— Был в папке. Если нет, значит, потерялся при переезде.

Но словам матери я больше не верила и, стоило мне остаться одной, как я принялась искать то, что мне было нужно, чтобы навсегда сбежать из этого красивого дурдома. Несколько дней заканчивались полным провалом. Но вскоре, я всё же добилась своего. Я обнаружила сейф под картиной, прямо как в фильмах. Прикинула в голове возможный пароль и ввела день рождения сестры Иры. И вуаля — дверь открылась.

Вот только внутри, помимо своего паспорта, я нашла ещё и кое-что интересное, а именно конверт, забитый валютой, точь-в-точь похожий на тот, что мне втюхивал дед Басова и стопка фотографий, на которых была запечатлена моя мать. Где-то в объятиях с незнакомым мужчиной. А где-то выходящая из отеля в обнимку с пастором нашей церкви.

Сказать, что внутри у меня всё рухнуло — ничего не сказать.

Ну, святая женщина просто...

Глава 5 – Тихий омут

Вероника

Я аккуратно, чтобы не было заметно, что кто-то лазил в сейфе, положила снимки, деньги и свой паспорт обратно, а затем закрыла и заперла дверцу. Повесила на место картину и сделала шаг назад, прикусывая кулак.

Значит, всё было правдой то, что рассказывал о матери Басов. Ни слова не соврал, а даже, получается, малость не договорил.

Ох, мама, каких ещё чертей ты скрываешь в своём тихом омуте?

Конечно же, про эту находку я никому ничего не сказала, да и про паспорт заикаться более не решилась. Сделала вид, что смирилась с потерей и кивала матери, когда та выдавала мне очередную сказочную историю про то, как она уже написала заявление об утере моего документа и всё почти уладила.

— Скоро сделают новый, Вера. Не переживай.

— А временное удостоверение личности не выдали на такой случай? — уже чисто ради стёба закидывала я мать вопросами.

— А зачем?

— Правильно, новый паспорт ведь не должны долго делать. Возможно, дней пять, ну или чуть больше, правда же?

— Откуда мне знать? Мы в глуши живём, тут свои порядки.

— За дополнительную плату можно и свои порядки навести, мам. Так-то и за сутки могут новый документ напечатать.

— У тебя что, лишние деньги есть? — насупилась родительница.

— Мы в таком шикарном доме живём, я думала, вдруг ты в лотерею выиграла, — пожала я плечами, произнося слова абсолютно равнодушным тоном, хотя внутри меня всё бурлило. Значит, родную дочь она хаяла, а сама фестивалила так, что у меня до сих пор всё это дерьмо в голове не укладывается.

— Я продала квартиру, чтобы мы могли начать жизнь с чистого листа, — мать стукнула по столу кулаком, очевидно, так подкрепляя свои слова, потому что больше это сделать было нечем. — И все из-за кого? Из-за тебя и твоей неугомонной задницы, которой приспичило спутаться с кем попало!

Ну чья бы корова мычала...

Я закрыла рот, не в силах продолжать этот бессмысленный и скользкий обмен любезностями. А ещё потому, что мать который раз с головой макнула меня в моё грязное прошлое, от которого я всё это время пыталась отмыться.

Сколько раз я почти до крови драила свою кожу в бане жёсткой мочалкой, мечтая стереть прикосновения Басова? Сколько раз прокручивала в голове всё то, что он со мной сотворил? Сколько раз воскрешала в памяти каждую страшную картинку, чтобы выскрести из своей души все тёплые и светлые чувства к этому чудовищу? Сколько горько проплакала, выворачивая сознание наизнанку в бесконечных попытках вытравить этого страшного человека из собственных мыслей? Сколько раз я винила себя за доверчивость и глупость?

Не счесть.

Каждый вечер я умирала, снова и снова разбиваясь на тысячи кровавых осколков, визжащих от невыносимой муки. И каждое утро я воскресала вновь, но только чтобы в очередной раз сойти с ума от боли разочарования, обиды и стыда.

И единственное, о чём я мечтала, так это чтобы слёзы высохли. О большем я и не просила у неба, потому что знала — прежней я уже не стану. Этот жизненный урок будет до последнего

моего вздоха красоваться в душе уродливым шрамом, напоминая о том, что не все в этом мире люди.

Есть ещё и нелюди.

Из положительных аспектов моего нового существования можно было выделить только одно — школа в нашем посёлке была самая простая и в ней меня больше никто не обижал. Я сразу обозначила, чья я дочь, и многие ребята относились ко мне даже с некоторым уважением. Вообще, люди в этом месте были, в большинстве своём, добрые и открытые. Может, потому что почти все глубоко верующие. А может, мне просто в кои-то веки повезло.

Подругами я не обжилась. Я слишком была разрушена и пуста изнутри, чтобы хоть кому-то улыбаться, обсуждать погоду, новости или книги. Мне было стыло. Мне было больно. Мне было холодно изнутри и снаружи. Всегда!

Да и вставать с постели каждый день мне помогала лишь одна-единственная мысль — скоро я уеду отсюда. Навсегда! Выдохну весь пепел из лёгких и начну новую главу своей жизни.

Я наполню её смыслом. Сама! Мне больше никто не нужен...

Но было бы странно, если бы судьба не продолжила вставлять мне палки в колеса, правда? Вот и ближе к весне она выдала очередную партию говна на лопате, мол «на, Вера, жри!».

Мать, исчерпав все отговорки на тему «почему мне не выдают новый паспорт», наконец-то перестала ломать дешёвую комедию и вскрыла карты, переходя в контратаку.

— Ты уже плешь мне проела со своим паспортом, Вера!

— В смысле? Мне так-то поступать скоро ехать, мам. Это нормально, что я волнуюсь, вообще-то!

— Куда поступать?

— В институт!

— И кто за тебя платить будет? Я? Можешь даже не рассчитывать на это!

— Я на золотую медаль иду. Меня с потрохами на бюджет заберут.

— А жить ты в большом городе, где и на что будешь?

Понимая, куда она клонит, тут же отмахиваюсь.

— В общежитии. Подрабатывать пойду.

— Ах, вот что ты задумала, доченька! Мало тебе было одного раза опозориться и вываляться в грязи, да? Ещё хочешь? К порокам и развратам в большой город тянет? Не пущу!

— Что? — ахнула я и, кажется, выпала в нерастворимый осадок.

— А то! Не пущу и всё тут. И вообще, я уже договорилась: тебя сразу же после окончания школы ждут в монастыре.

Официально заявляю: моя мать спятила!

— Каком ещё монастыре?

— Монахиней будешь. Отмолишь все свои грехи, вернёшь веру в бога, станешь мне примерной дочерью, которой я наконец-то смогу гордиться. И которую смогу полюбить.

— Мам..., — от шока на большее меня просто не хватило, но родительница, несмотря на мой потрясённый вид, продолжала засорять эфир своей ахинеей.

— Да, процесс сей не быстрый. Сначала будет стадия постулирования, но ты всё это время будешь жить в общине и обязательно со всем справишься. Зато потом, после вступления в послушничество будет уже полегче. Примешь обеты, выберешь себе новое имя святой, вот тогда-то жизнь и заиграет яркими красками.

Да лучше застрелиться!

— Монахиней, значит? — осоловело переспросила я, всё ещё не веря в то, что это не очередная шутка и не просто какой-то сбой в матрице. Но, увы и ах, как говорится.

— Да, — закивали мать и бабка синхронно.

Ну, супер!

— Классная идея, — не скрывая сарказма выдала я, но мои волшебные родственницы, очевидно, окрылённые потоком собственного сознания, ничего не заметили, а радостно принялись улюлюкать и строить планы на то, как окончательно сломать мне жизнь.

Ну уж нет, у меня на будущее были несколько иные планы.

Глава 6 – Планирование – наше всё

Вероника

Как найти нужную тебе информацию в современном мире, когда у тебя под рукой нет интернета? Правильно — никак. А потому, чтобы красиво развести собственную и уже в край обезумевшую мамашу, я училась быть крадущимся тигром и затаившимся драконом в одном флаконе, выжидая наиболее удобное время для следующего хода в собственной игре.

Первый шаг был достаточно предсказуем — я не выказала родительнице никакого протеста по поводу её совершенно идиотских предложений и даже пару раз заставила себя согласно кивнуть на безумную идею стать монахиней.

Теперь же надо было действовать быстро и чисто, потому что время поджимало, а сделать предстояло очень многое.

И понеслось.

В один из вечеров мать и бабка ушли к нашим соседям, таким же воцерковленным фанатикам, как и они сами, чтобы отпраздновать очередной из бесконечного множества святых праздников. Я же, сославшись на плохое здоровье, осталась дома. Но стоило только двери за родственницами закрыться, как я тут же пулей рванула в материнский кабинет и уселась за её рабочий стол, на котором стоял компьютер, подключённый к интернету.

Подбирать пароль долго не пришлось. На этот раз это был день смерти Иры и отчима.

А затем, когда рабочий стол прогрузился, я, вооружившись блокнотом и ручкой, принялась штудировать сайты высших учебных заведений Краснодара, записывая все нужные мне координаты, интересующие меня факультеты, требования к зачислению и возможность предоставления общежития.

Почерпнув всю нужную мне информацию, я почистила всю историю своих запросов, а затем выключила компьютер и вышла за дверь.

Но эта была лёгкая часть моего плана. Самое трудное было впереди — украсть у матери деньги, забрать свой паспорт, умудряясь сделать его копии, и каким-то невероятным образом съездить в город, поступить в институт, а потом вернуться обратно. И всё это обставить так, чтобы комар носа не подточил.

До города я могла добраться двумя способами: на электричке или на автобусе. Второй вариант был более быстрым, но всё же забирал у меня в обе стороны почти три часа. Потом же ещё надо было как-то сориентироваться в городе, который я совершенно не знала.

От паники у меня на голове шевелились волосы. Но я не сдавалась, а только каждый божий день проходила мимо автовокзала, стараясь запомнить, по каким дням и в какое время ходит транспорт, а ещё прикидывала в уме, в какую сумму мне обойдётся первая вылазка.

Наверное, не надо лишний раз говорить, что на фоне адского замеса сердечных переживаний и нервного перенапряжения, я похудела почти на треть? Но да. При своём росте метр с кепкой, раньше я имела достаточно плотное телосложение, теперь же килограммы практически таяли на глазах.

Я не могла ничего есть из-за ненавистной мне тоски по человеку, который перекрутил меня через мясорубку, и душевной боли, что ежесекундно сворачивала кровь в венах. А ещё от мыслей, что у меня ничего не выйдет, а мать всё-таки доведёт меня до шестой палаты.

Мне был необходим глоток свежего воздуха. Но также мне нужно было не просто поставить шах своей матери, а объявить ей безоговорочный мат. Только в этом случае я могла рассчитывать на стопроцентный успех.

Дни, тем не менее, летели незаметно. Со школьных обедов я всё-таки наскребла денег, чтобы сделать фотографии для поступления. Затем написала итоговое сочинение на отлично,

а вслед за ним начала подготовку к единому государственному экзамену, который по итогу успешно сдала ещё в досрочный период.

И вот наступило лето, и я наконец-то получила свой особенный аттестат с золотым тиснением и заветную медаль, а дальше намылилась рвать когти в сторону светлого будущего. С третьей попытки умыкнула из сейфа свой паспорт, сделала его копии и в тот же день вернула документ обратно. Точно так же поступила и с аттестатом, потому что его мать сразу же после торжественного вручения забрала у меня и «надёжно спрятала» чтобы он, не дай бог, не потерялся.

Вот только была во всём этом плане одна загвоздка — я никак не могла придумать, как бы так отлучиться в город на целый день, чтобы этого не заметила ни мать, ни бабка. И не надо забывать ещё о том, что они активизировались насчёт своей бредовой идеи сдать меня в монастырь до конца дней моих. Водили на встречи с кураторами и вновь принялись неистово таскать меня на служения.

Сказать, что я сломала себе голову от дум, как сбежать — ничего не сказать!

Первая попытка была сразу обречена на провал, но я должна была хотя бы её опробовать, чтобы уже знать наверняка — просто так меня мать в город одну не отпустит. Ни за что и никогда!

— Мам, я сильно скинула.

— Да, я заметила. Скоро будешь похожа на суповой набор. Я думала, что ты пережила это недоразумение с Басовым, так что пора бы уже начать есть и вернуть прежний здоровый вид.

Недоразумение…

Как все просто в волшебном мире этой святой женщины!

Я же только прикусила щеку изнутри и приказала сердцу не рваться из груди при упоминании фамилии того, кто его безжалостно разбил и выбросил за ненадобностью.

— Одежда в магазинах дорогая, но я могла бы поехать с девушками из церкви в будущий понедельник в Краснодар и купить себе какую-то дешёвую ткань, чтобы потом...

— Нет!

— Почему? — медленно выдохнула я раздражение через нос.

— Потому что я так сказала! — хлопнула ладонью по столу мать, и на лице её отпечаталась маска тотальной злобы.

Божественная логика, чёрт возьми!

— Хорошо. Принято. Нет, так нет, — деланно равнодушно пожала я плечами, хотя внутри умирала от разочарования.

— Вечером подберу тебе что-то из моего старья, распорешь и перешьёшь его под себя. Да и вообще, куда тебе? Уже осенью ты отправишься в монастырь, а там тебе выдадут стандартное монашеское платье.

— Точно, — натянула я на лицо пластмассовую улыбку, — что-то я об этом как-то не подумала. Спасибо, что напомнила.

— Не благодари, — кивнула мне мать, и я вышла за дверь, несолоно хлебавши.

Пару раз до конца июня я ещё совершала попытки вылазки до «большой земли», но все они заканчивались полным провалом. Мать почти круглые сутки крутилась дома или в саду, а бабка бродила за мной, словно тень, без умолку балаболя о том, что бесконечно рада тому, что я всё же остепенилась и решила приблизиться к богу.

Читай — писалась от счастья, что им с матерью наконец-то удалось от меня избавиться, свят-свят-свят!

Именно этим бабка и была занята первого июля, когда я на кухне помогала ей с варкой борща и жаркой драников. Она наизусть вещала какие-то отрывки из библии и в очередной раз корила меня за то, что я согрешила и поддалась соблазнам плоти.

Но внезапно она замолкла на полуслове, а я закатила глаза и возрадовалась, что мои уши получили хоть мизерную, но передышку от ее словесной диареи. Вот только тишина неестественно затянулась. Я повернулась от стола и глянула на бабку, которая в этот момент сидела на табурете и смотрела на меня с ужасом, схватившись одной рукой за голову, вторая же плетью висела вдоль её тела. Она открывала и закрывала рот, пытаясь что-то сказать, но у неё ничего не выходило. Лицо осунулось и странно перекосилось.

— Ба? — сделала я шаг к ней, но застыла, не понимая, что происходит.

— Мы... ты... я... ма...

И тут до меня наконец-то дошло!

Я бросилась к окну и, перегнувшись через подоконник, что есть мочи, закричала:

— Мама!

Родительница влетела в дом спустя минуту, а потом впала в полнейший ступор. Просто вросла в пол и даже глазами не хлопала, очевидно, зависнув во времени и в пространстве. Я дёрнула её за руку и ничего. Полный ноль.

А бабка тем временем начала заваливаться на пол.

Ну, супер!

Я тут же кинулась к ней, чтобы она, падая, для полного комплекта не раскроила себе ещё и голову. Женщиной она была довольно упитанной и широкой в кости, а потому принять на себя её немалый вес, было задачей не из лёгких, но я, хоть и со скрипом, но справилась с этим. Уложила её на пол и набок, как учили нас этому в гимназии, и сунула ей под голову скрученное кухонное полотенце.

— Мам, — заорала я, — у неё инсульт! Делай же хоть что-нибудь!

Именно на этом месте она и отвисла, а затем засуетилась, бесцельно бросаясь из комнаты в комнату.

— Так! Где мой телефон? Её срочно нужно доставить в больницу!

С горем пополам, но мать дозвонилась до поселковой амбулатории, помощь из которой прибыла к нашему дому в течение пяти минут. Дальше я кратко рассказала одному из фельдшеров, что и как произошло, а потом бабку погрузили на носилки, и дом наконец-то опустел.

Я же только устало плюхнулась на кухонный стул и медленно провела руками по лицу. Они даже не дрожали, как если бы я напугалась за родного человека или бесконечно волновалась за его здоровье. С волками жить — по-волчьи выть. Неужели я стала такой же чёрствой и бессердечной, как и эти две женщины, что являлись мне близкими родственницами?

Я не хотела быть их зеркальным отражением. Я хотела быть лучше. Человеком, а не чудовищем. Вот только не получалось, мне было её не жаль.

И точка!

Спустя примерно час мой телефон разрывает пугающую тишину дома своей несуразно громкой мелодией. На том проводе мать. Её голос, слегка гнусавый и хриплый, говорит мне о том, что она плакала. Но мне опять всё равно. Я просто слушаю сбивчивую, лишённую смысла речь этой женщины и молчу.

А что сказать в ответ, не знаю. Я пустая, у меня внутри для неё больше ничего нет.

— Так что собери необходимые вещи и беги сюда.

— Что? — переспросила я, когда поняла, что мать от пересказа состояния бабки, перешла к каким-то приказам.

— Вещи, говорю, собирай! Свои и мамы, с ней в Краснодар поедешь. Я договорилась, будете вместе в палате жить. Станешь за бабушкой ухаживать, когда сиделки не будет. Ну и вообще на подхвате.

Честно? Когда мать обмолвилась про город, то остальное я уже не слышала, только держала в уме, что это мой шанс на поступление и окончательный разрыв с семьёй. Вот только уже в амбулатории события начали стремительно развиваться не по плану моей дражайшей

матушки. Здешние работники и по совместительству новые воцерковленные друзья Алевтины Храмовой пристыдили её в два счёта, посчитав, что ухаживать за родной мамой, обязана именно она — дочь. Но никак не внучка.

— Пусть останется здесь и по хозяйству присмотрит. А старушке сейчас нужна твёрдая рука, а не помощь совсем ещё девчонки. Не по законам духовной жизни это.

Мать скривилась, но пойти против общины не посмела. Лишь склонила голову раболепно и уже спустя минут десять карета скорой медицинской помощи увезла её и бабку в город, где последней срочно требовалась тромбоэкстракция. На прощание мы успели перекинуться лишь парой слов.

— Ма, давай я тебе завтра привезу сумку с чистыми вещами?

— Нет, — как отрезала она, — сунешься в город — пеняй на себя!

Наверное, не надо говорить, что после этого я не стала откладывать дело в долгий ящик и уже на следующее утро сама же укатила в Краснодар, чтобы подать документы на поступление в выбранный мною факультет и написать заявление на предоставление общежития. Телефон, заряженный сим-картой с тарифом «родительский контроль» я благоразумно оставила дома.

Успешно все провернув, я вернулась в посёлок, где ответила на четыре пропущенных от матери. Она орала как не в себя и требовала признаться, где я пропадала. Я же только спокойно ответила, что полола викторию, а потом прибиралась в бане. Вроде бы, мне поверили — на остальное мне было плевать.

Несколько раз я открывала сейф и, кажется, бесконечно полировала взглядом огромное количество долларов, лежащих в бумажном пакете, и представляла, как беру их и навсегда сбегаю из этого дурдома. Как еду в город, как снимаю там себе квартиру и жду, пока начнётся новый учебный год в вузе.

Как выдыхаю внутреннее напряжение.

А затем мысленно наотмашь била себя по лицу и трезвела. Ну и чем я буду лучше матери, если возьму деньги Басова-старшего? Ничем. Я стану такой же продажной тряпкой. Я же хотела поиметь их всех сама, а не с этим грязным бустом.

Да и с матери станется — она, не задумываясь, обвинит меня в краже. А дальше что? Небо в клеточку? А оно мне надо? Ну если только её порадовать.

Именно поэтому я закрывала сейф и снова ждала, когда же наступит мой звёздный час, чтобы действовать.

Одинокая и во всех смыслах прекрасная жизнь закончилась три недели спустя, когда мать и бабка вернулись с реабилитации. Последней в последующие дни привезли антипролежневый матрас и инвалидное кресло. С тех пор жизнь в доме никогда уже не была прежней.

Теперь бабка стала на все сто процентов зависима от меня и матери. Она была частично парализована на одну половину тела. И вообще, все движения давались ей с огромным трудом. А ещё она заметно сдала интеллектуально, стала ещё злее и раздражительнее. И потеряла интерес ко всему, что её раньше вдохновляло. Например, к церкви, ей она больше была не нужна. Речь так полностью и не восстановилась и, создавалось впечатление, что она разговаривает с набитым ртом. Разобрать что-либо было чертовски тяжело. Последним и худшим стал болевой синдром, который заставлял старуху периодически орать в голос. А я от чего-то в такие мгновения вспоминала то, как однажды точно так же корчилась от телесных мук, но эта старая «святая» женщина только с мазохистским удовлетворением причитала надо мной:

«Бей сильнее, дочка. Это сам Бог постучался в нашу семью и вложил в твою руку своё слово. Бей её им, пока до этой грешницы не дойдёт, что такое хорошо, а что такое плохо».

Мать запила.

Она думала, что никто не узнает. В свою церковь всё также рьяно бегала и по звонку. Но я видела, как ночью, когда бабка засыпала под сильнейшими обезболивающими, родительница

спускалась в кухню и вливала в себя такое количество крепкого горячительного, что пару раз падала с табурета, матерясь похлеще любого сапожника.

И выла в голос.

А спустя две недели такой «развесёлой» жизни посадила меня перед собой и вновь приговорила.

— Ты не пойдёшь в монастырь.

— А куда пойду? — уточнила я, хотя уже знала, что именно скажет мне эта женщина.

И не ошиблась.

— Дома останешься. Через месяц школа начнётся, и я выйду на работу. А за бабушкой кому-то надо присматривать: кормить, мыть, утку ей ставить. Вот ты этим и займёшься, пока я буду зарабатывать нам на кусок хлеба.

— Вот как? — поджала я губы и хмыкнула.

— При должном уходе она проживёт годы. А тебе Бог воздаст потом за милосердие и жертвенность.

— Ещё что-то, мама? — уточнила я максимально вежливо, пытаясь не заорать в голос от этого аттракциона невиданной щедрости.

— Нет, я всё сказала. Можешь идти.

Я спорить не стала. Но уходя, поняла, что окончательно разлюбила свою мать.

Глава 7 – Пошла!

Вероника

Две последующие недели августа после того разрушительного разговора прошли будто бы в полном вакууме. Мать катилась по наклонной. Бабка нон-стопом орала от боли и проклинала всех вокруг. А я просто ждала, когда же наступит моя остановка и я сойду с этого бесконечного адского трамвая.

Луч надежды забрезжил семнадцатого августа.

Именно в этот день я получила долгожданное извещение о том, что зачислена в число студентов на бюджетное отделение. И чуть не рехнулась от счастья. Нашла ближайшее укромное местечко, села и расплакалась, не веря, что всё у меня действительно получилось. Я теперь всё могу! Сама!

Мне больше никто не нужен, чтобы стать прежней жизнерадостной девчонкой, верящей, что в мире всё-таки существуют краски, помимо той серо-чёрной мазни, что сопровождала меня всё это время. Мне не нужна мать, которая меня не любит и не ценит. Мне не нужен Басов, чтобы почувствовать себя особенной.

Мне не нужен никто! Я сделаю себя сама, слеплю новую Нику, которая никогда больше не наступит на эти ржавые грабли, в бесконечном беге за чужим одобрением. И плевать, что пока за рёбрами всё раскурочено и ещё невыносимо свербит.

Всё пройдёт. А если нет, то я на живую выкорчую из своей души всё, что ещё чувствую к парню, который вытер об меня ноги. Да, это будет непросто, но я справлюсь. Во что бы то ни стало!

На этой возвышенной ноте я и прожила остаток августа. Помогала матери по хозяйству и равнодушно взирала на то, как она уже ежедневно топит себя в бутылке. Хотя нет, однажды она меня даже повеселила.

Это был уже поздний вечер. Я только что вышла из душа и улеглась на кровать с томиком «Парфюмера», обёрнутого, от греха подальше, в обложку Священного Писания. Но не успела я прочесть и пары страниц, как услышала звонок от ворот.

Пожала плечами, решая, что мать сама с этим разберётся, но вдруг услышала её истошный вопль:

— Вера!

Закатила глаза, встала и накинула на себя халат, а затем спустилась на первый этаж, весь утопающий в ночной темноте.

— Мам?

— Иди выйди, там, наверное, Василиса пришла.

— И что сказать?

— Что меня нет! — заорала она как резаное порося, а я заглянула на кухню и пригляделась. Родительница сидела под столом на карачках и сверлила меня расширившимися от страха глазищами. Речь уже вялая. Налегла.

— Ладно, — кивнула я и пошла проверить, кого там принесло в двенадцатом часу ночи.

Но мать ошиблась. Эта была другая соседка, к которой приехали на постой гости из города. Просила до утра одолжить пару одеял и подушек. Я отказывать не стала.

— А мать где?

— В город укатила.

— А чего это?

— Свечку за здравие бабули в большом храме поставить надо бы, да запастись медикаментами, — на ходу сочиняла я, хотя мне отчаянно хотелось завести тёть Наташу в дом и про-

демонстрировать ей, как глубоко верует в бога моя дражайшая матушка. И кому именно она молится по вечерам — зелёному змею.

Вот бы потеха была! Похлеще моего триумфального спуска с балкона.

— Как старушка?

— Плоха. Отказывается ходить на утку и вставать с кровати тоже, а поднять нам её с матерью почти не по силам.

— Терпи, Вероника, терпи, — перекрестилась женщина, — бог терпел, и нам велел.

Я в ответ только развела руками и распрощалась с соседкой, а затем неторопливо вернулась в дом. Там картина маслом и всё та же — мать под столом, трусится как Каштанка, периодически подползая к окну и воровато в него выглядывая.

— Не вернётся?

— Думаю, нет. Я сказала, что ты укатила в город.

— Молодец. Теперь иди.

— Мам, — не послушалась я её, а упёрлась плечом в дверной косяк, сложив руки на груди, — может, хватит уже пить, а?

— А ты мне наливаешь? — тут же ощетинилась она, а затем демонстративно села за стол и наполнила рюмку. Опрокинула в себя. — Бог это за грех не сочтёт. Он милосерден и знает, почему я так поступаю. Потому что иначе просто невыносимо. Тебе этого не понять.

— Куда уж мне, — хмыкнула я, развернулась и покинула кухню, отмахиваясь от произошедшего как от назойливой мухи. Пусть топится. Это её выбор.

Свой я тоже сделала и поворачивать назад не собиралась.

Я каждый божий день, вставая утром, отсчитывала сколько осталось времени до заветного первого сентября, который в этом году выпал на пятницу. Готовилась так, чтобы никто даже близко не догадался о моих планах. А когда день «Х» наступил, то вся завибрировала от нетерпения.

Мать с самого раннего утра ушла в школу. Ей в этом году обещали доверить шефство над классом, и она должна была задержаться на работе допоздна. Стоило ей только покинуть дом, как я тут же последовала её примеру. Бесшумной тенью скользнула в кабинет и сняла картину со стены, а затем ввела нужные цифры на сейфе. Дверка щёлкнула, и я, не задумываясь, забрала свой паспорт, аттестат и остальные документы, а затем двинула на выход, не забывая прихватить с собой заранее собранный рюкзак.

Деньги на проезд я умыкнула у матери уже давно и не всей суммой сразу, чтобы не вызвать ненужных мне подозрений, а по частям. Так что всё у меня было в шоколаде.

Через двадцать минут я уже тряслась по дороге в Краснодар, где мой вуз подготовил для меня и тысячи других первокурсников красивую торжественную линейку с шарами и гирляндами. Нас познакомили с ректором и с деканами, а после весь поток повели в огромную аудиторию, где рассказали об уставе института, правилах, перспектива и трудностях обучения. Ну а как же без них, правда?

После нам провели ознакомительную экскурсию по всем корпусам института, а дальше погнали получать студенческие билеты и зачётки. И главное — койко-место в общежитии. Мне досталась просто отличная комната, которую я должна была делить со своей же одногруппницей и ещё двумя девочками с третьего курса. Все были очень милые и приветливые. Ну или мне так просто показалось после незавидного житья-бытья с матерью и бабкой, я не знаю.

Но факт был на лицо — я вырулила на очередном заносе судьбы. И теперь была готова сказать женщине, которая меня родила, «спасибо и прощай». Кто-то бы спросил у меня — зачем? А я бы ответила — она моя мать. Да, жестокая. Да, невыносимая. Да, она никогда меня не хотела и не любила.

Но она была моей мамой. Самым родным человеком в этой вселенной. И я не могла просто отмахнуться от неё, взращивая свои обиды. Я хотела быть выше всего этого дерьма.

Мне нужно было сделать всё по-человечески!

Я не была чудовищем. И не хотела им становиться.

Поэтому сразу же после всех организационных мероприятий, я поехала на автовокзал и купила билет до своего посёлка. Села в автобус и полтора часа в пути крутила в голове порядок тех правильных и нужных слов, которые я должна была сказать маме на прощание. Отрепетировала всё от и до.

А перед металлической оградой дома замерла и минут десять пыталась усмирить разбушевавшиеся нервы перед встречей с неизбежностью. Выдохнула. Сглотнута прогорклый ком тоски по тому, что никогда между мной и ею не случится.

А затем дёрнула на себя замок.

И ничего.

Заперто.

Ещё дважды я проверила дверь, но результат остался прежним и нулевым.

Вскинула руку, пальцы сами коснулись звонка и вдавили кнопку. Затем снова и снова, пока в глубине двора я не услышала звук открываемой входной двери. Это мать вышла на крыльцо.

Скрипнула третья сверху ступенька.

Зашелестел гравий под ногами её утеплённых галош.

Повернулась завёртка.

— Мам..., — начала я и задохнулась, увидев её красные, залитые яростью и алкоголем глаза.

— Заткнись, — рявкнула она, скалясь и обнажая дёсны, — и чтобы я никогда тебя больше не видела! Ты поняла меня? Моя дочь Ира давно умерла. А ты просто ничтожество. Всегда для меня им была, есть и останешься! Пошла отсюда! Пошла...

И швырнула на землю куцый чемодан, из которого криво и косо торчали какие-то вещи. А затем и белый измятый конверт.

— Тварь! — добавила она на прощание и с громким лязгом захлопнула между нами дверь.

Отныне у меня больше не было дома...

Глава 8 – В огне

Вероника

Не знаю, сколько ещё я простояла у кованных ворот, пока до меня наконец-то не дошло, что именно сейчас случилось. Мать меня выгнала. Совсем. И навсегда.

Что я чувствовала? Это была скорее адская мешанина из опустошения, облегчения и страха перед, покрытым мраком, будущим. Теперь я была сама по себе, одиноко стоящей на бесконечной дороге своей жизни. Никому не нужная...

И почему-то именно сейчас, держа в руках побитый временем чемодан, я поняла, что плачу не потому, что моя мама сожгла между нами последний шаткий мост, а потому, что в памяти зачем-то всплыли слова моего самого страшного предателя:

— Я всегда буду рядом, Истома. И больше никому не позволю причинить тебе боль.

Лжецы!

Беспринципные обманщики! Одна меня зачем-то родила, беря на себя обязательство быть матерью, а не просто биоматериалом, хотя заведомо знала, что с треском провалится по всем фронтам. Второй же так проникновенно смотрел мне в глаза, прекрасно осознавая, что каждое его слово просто пшик. Они оба оказались пустышками.

И неважно под каким соусом мне подали всё это дерьмо. Верующая и грешник. Но какой прок от этой веры, если у человека нет совести? Ты можешь хоть до посинения ходить в храм, повязывая на голове платок, жечь свечи и смотреть на иконы со слезами на глазах, взывая к богу, но в чём смысл, если внутри тебя живёт дьявол?

Басов хотя бы не притворялся святым и не прикрывал свои злые умыслы бессовестной отмашкой «на всё воля божья».

А по факту? Те же яйца, только в профиль.

Вывод? Банален в своих ужасающих перспективах — да, я теперь один на один со всем миром, но плюс в том, что и не рядом с теми, кто пытался меня утопить.

А теперь улыбаемся, Вероника, и пляшем!

Я поправила рюкзак на плечах, подхватила чемодан и вновь побрела в сторону автовокзала. Купила билет на последний до города автобус и примостилась в конце салона. Слёз больше не было, лишь зияющая пустота внутри. Чёрная дыра, которая засасывала в себя весь негатив, коим я обросла за свои восемнадцать лет жизни.

Где-то в середине пути, вертя в руках тот самый измятый конверт, который швырнула мне мать, я всё-таки решила его вскрыть. Не из любопытства ради, нет. Я знала, что там ещё один ментальный харчок мне в лицо. А просто чтобы окончательно поставить точку в этом марлезонском балете.

Внутри оказались деньги. Ровно столько, сколько стоил билет до города.

— Мило, — пробормотала я себе под нос и снова заглянула внутрь, вытаскивая из конверта чуть высвеченное фото с до боли знакомым мужчиной, изображённым на нём.

На обратной стороне обнаружилась подпись:

«На память Алечке от Вани».

Место. Дата.

Внизу уже материнской рукой размашисто и с сильным злым нажимом было выведено:

«Знакомься. Твой папаша — Ковалёв Иван Савельевич. Пост сдал — пост принял. Теперь всё к нему».

И номер телефона.

Снова перевернула фотографию и всмотрелась в того, кого не знала и никогда не видела лично. В призрака. В того, кому я тоже оказалась не нужна.

Красивый. Густые тёмно-каштановые волосы залихватски топорщатся в разные стороны в художественном беспорядке. Выразительные тёмные глаза смотрят с прищуром, словно бы рубленый квадратный подбородок говорит об упрямстве и однозначной категоричности, кривая улыбка на одну сторону будто бы смеётся надо мной. Он сидит на набережной, в его руках гитара, а в белоснежных зубах хулигански зажата сигарета.

Я была почти точной его копией. Только ростом удалась неизвестно в кого. Мать и отец были высокими людьми, а я так — полутораметровая коротышка.

С усталым вздохом я убрала снимок отца в конверт, закидывая его в рюкзак, и тут же задумалась. Ну и зачем та женщина, что звалась моей матерью, сунула мне под нос этого человека, который всегда был мне чужим? С чего она вообще взяла, что я найду причину, по которой буду звонить ему? Да и почему он должен вести со мной светские беседы, если отказался от меня и никогда не проявлял интереса к кусочку крови и плоти, который же сам и породил?

Бред.

Отмахнулась от всей этой абсолютно абсурдной чепухи и вперила пустой взгляд в окно, за которым уже мелькал пригород Краснодара. Впала в какой-то глухой ступор без каких-либо мыслей. Просто я. Просто девочка, которая наконец-то начинает жить.

Я словно бы домашний эльф, который обманом вынудил хозяина подарить мне потёртый и вонючий носок.

Свободна...

В общежитие явилась уже под занавес дня. Девчонки в комнате смотрели какой-то фильм на ноутбуке и уплетали за обе щеки лапшу быстрого приготовления.

— О, привет! Есть хочешь?

Я кивнула, и мне тут же достали с полки коробочку, разводя её содержимое крутым кипятком.

— Вероника, так? Иди сюда, садись вот тут, — освободили мне место с угла стола.

— Спасибо.

— Ты у нас, как и Варька, с костюмерного? — девчонки поставили фильм на паузу и принялись атаковать меня вопросами.

— Ага.

— Юдашкина мечтаешь переплюнуть или на завод кроить пойдёшь?

— Ну, — чуть замялась я и покачала головой, — вообще, я бы хотела открыть ламповый бутик, где бы могла продавать готовую одежду из собственных коллекций и шила на заказ. А там уж как пойдёт, конечно.

В грудь ударила ментальная кувалда всех моих жизненных разочарований, и я решила добавить.

— Но бог любит посмеяться над нашими планами, верно? Поэтому, пусть будет завод, — широко улыбнулась я, а девчонки и вовсе рассмеялись. — Всю жизнь мечтала пахать от зари до зари и шить пододеяльники. Да!

— А ты смешная, — хмыкнула Варька.

— Да, жизнь научила меня на всё смотреть с юмором, — выдала я и принялась жевать свою лапшу, не чувствуя химического вкуса и запаха.

Девчонки оказались вполне себе адекватными, без королевских замашек. Выделили полки для моих нехитрых вещей и подсказали несколько лайфхаков, чтобы не оплошать при походе в общую душевую и кухню. А ещё поделились информацией, что в несколько мест неподалёку от общаги на неполный рабочий день и выходные ищут студентов.

Я тут же зацепилась за несколько вакансий и уже на следующий день планировала попытать удачу на этих направлениях. Деньги мне были нужны просто позарез, ведь в кошелёчке осталось всего лишь несколько мятых банкнот от матери и ещё столько же ранее сворованных

у неё же. Мне надо было на что-то жить. И есть. А сейчас у меня даже куска мыла не было, не говоря уже о большем.

Все выходные я провела за поиском подработки и даже немного преуспела на этом поприще. Мне точно сказали «да» в компании, которая занималась выгулом и передержкой собак, обещая почасовую оплату день в день. Невесть что, но уже умереть от голода мне не грозило.

Также я решила вытащить из телефона сим-карту с тарифом «родительский контроль» и швырнуть её в урну. А затем я купила себе другую и с новым номером, ставя окончательную точку на истории моей прошлой жизни.

И вот наконец-то наступил понедельник. Пора было бежать на пары и начинать усердно грызть гранит науки. Всё складывалось отлично, и материал давался мне максимально непринуждённо. Ребята в группе оказались компанейскими и состояли из девчонок на девяносто девять процентов. Мне всё нравилось, и я буквально порхала изаудитории в аудиторию, а потом до самого глубокого вечера окопалась в библиотеке.

Но сердце моё забилось чаще, когда я всё-таки засобиралась домой. Стоило мне только выйти на крыльцо, как от проезжей части я услышала непрерывный вой сирен пожарных машин.

— Это общага горит, — крикнул кто-то из ребят, сидящих на лавочке, и сердце в груди треснуло от страха.

— Какая?

— Девчачья...

Я тут же со всех ног бросилась в сторону моего нового временного дома, но уже через несколько минут замерла как вкопанная, зажала рот ладонью и беззвучно закричала, чувствуя, что по щекам катятся солёные капли.

Потому что я видела, как полыхает почти весь четвёртый этаж здания. Именно там, где находилась моя комната и все мои вещи...

— Боже, нет!

Глотая слёзы и всхлипывая, я побежала дальше, ища глазами хоть кого-то знакомого. Одногруппница Варька, раскачиваясь из стороны в сторону, рыдала на лавочке. Вся почерневшая от копоти, она только отчаянно смотрела на огонь и без конца причитала:

— Что же теперь будет?

Меня тоже интересовал лишь этот вопрос.

Пропустив через себя миллионы секунд и разрывающую душу неизвестность, я чуть выдохнула, увидев появившихся представители вуза, которые усадили почти весь корпус нашего общежития по автобусам и куда-то повезли, упрашивая не волноваться и держать себя в руках.

Спустя минут десять нас доставили к какому-то хостелу, где расселили по шесть человек в одной комнате, обещая уже завтра предоставить что-то более подходящее. Ночь мы с Варькой не спали. Она плакала, а я лишь слепо уставилась в потолок, а потом подняла руку и показала смачный фак небу.

— Смешно тебе, да? — прошептала я в темноту, обращаясь к тому, кто вольготно устроился на облаках и в который раз потешался за мой счёт. — Ну ничего, ничего. Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

Затем повернулась набок, накрылась подушкой с головой и приказала себе спать. Как там говорили в сказках? Утро вечера мудренее? Вот-вот!

Но наутро ситуация не разрешилась, а, кажется, ещё больше зашла в тупик. Нас до конца пар кормили завтраками и только во второй половине дня согнали пострадавших в огромную аудиторию и принялись рассказывать душещипательную историю о том, что разместить нас где-то прямо сейчас не представляется возможным. Точнее, места есть только для студен-

тов-сирот. Остальным же предложили пока пожить в том хостеле, который нам уже предоставили.

— Тем более, — вещал кто-то из администрации института, — вуз выбил для всех вас скидку на проживание, так что койко-место в сутки обойдётся вам в сущие копейки. Это действительно большая удача и условия там более, чем приемлемые. А уж после новогодних каникул мы отремонтируем корпус, и вы все вернётесь в обновлённые комнаты.

Копейки...

Кто бы мне ещё с этими копейками помог. Но доказать в деканате, что я по факту тоже стопроцентная сирота не представлялось возможным. А между тем все студенты вокруг радовались, что повезло отделаться малой кровью. Я же ломала голову о том, где я буду брать ежедневно сумму, которой у меня не было, ведь последние деньги я ещё вчера спустила на тетради и другие канцелярские принадлежности, нужные мне по учёбе.

А теперь и их нет. Всё сгорело в огне.

И это я ещё не знаю о судьбе своих документов. Вот будет счастье, если мне ещё и паспорт придётся восстанавливать. Просто жесть!

— Причиной возгорания пожарные назвали неисправность электропроводки, так что студентам, проживающим в комнате, которая вспыхнула и полностью выгорела, будет в ближайшее время выделена денежная компенсация, — говорящая с трибуны женщина называет сумму, и вся аудитория начинает гудеть, завидуя тем, чьи вещи были полностью уничтожены огнём.

Она перечисляет фамилии, и я отчего-то жалею, что в этом списке нет меня. Плевать на мои вещи, там ничего особо ценного и не было, но как бы мне сейчас пришлась кстати это поистине огромная сумма. Я бы могла оплатить хостел на полгода вперёд и забыть о работе, полностью концентрируясь на учёбе.

Но судьба в очередной раз посмеялась мне в лицо.

— Врут про сроки, — прошептала сидящая рядом Варька.

— Что? — встрепенулась я.

— А то! — набычилась она и недовольно поджала губы. — В прошлом году горела общага у аграрки, так там тоже обещали в считанные месяцы отремонтировать пострадавшие комнаты, а на деле всех завтраками кормили целый год. Представляешь? Год!

— Год, — прошептала я обескровленными губами и в изнеможении прикрыла веки, не понимая, что буду делать и у кого просить помощи.

После собрания нам позволили наведаться на пепелище, так как многие комнаты оказались нетронуты огнём, зато были безнадёжно испорчены пеной и гарью. Всё мало-мальски уцелевшее снесли в подсобку и оставили, подписав номера комнат.

Тут нашёлся и мой чемодан с документами и почти вся одежда, которая требовала стирки.

— Возможно, и не всё потеряно, — вздохнула я, а затем потолкала все свои пожитки в чемодан и покинула общежитие.

А дальше пустота...

Что делать? Куда идти? В кармане кот наплакал и мне не хватит этих жалких крох даже на то, чтобы переночевать ночь в том хостеле, что так удачно нам выделил институт. Я села на скамейку и захлебнулась от паники. Лёгкие просто застопорились, не давая мне возможности, ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Застонала. До крови прикусила щеку изнутри, а затем мысленно влепила себе звонкую пощёчину.

— Я не тряпка!

Да, у меня сейчас не было ничего, кроме жизни. Но я не могла просрать последнее. Я была обязана выгрести из этого дерьма во что бы то ни стало.

Потянулась к чемодану и в его недрах отыскала тот самый измятый конверт. Открыла его и достала лежавшую внутри фотографию. Покрутила её в руках, а затем, смирившись с неизбежным, взяла телефон в руки.

Нет, конечно, был ещё один выход — просить помощи у матери. Вернуться, кинуться ей в ноги, уповая на прощение и поддержку. И я, наверное, так и поступила, держа в уме хотя бы один процент из ста, что она действительно мне поможет. Да, поругается. Да, обложит санкциями. Да, поорет и прокомпостирует мозги на всякий лад. Но, в конце концов, смягчится, обнимет и скажет:

— Доченька, ну конечно, я тебе помогу. Ведь я же твоя мама и хочу для тебя всего самого лучшего.

Но моя мать не хотела для меня лучшего. Она считала, что я испортила ей всю жизнь и мечтала отплатить мне тем же. Это была её цель — максимально изговнякать мне судьбу, с мазохистским удовлетворением взирая на то, как я мучаюсь. И неважно, что именно будет причиной моих мытарств: монастырь или вечные побегушки при больной бабке. Главное одно — украсть у меня молодость и перспективы, так же как однажды я сделала это с ней.

А потому мне оставалось только одно — постучать в ту дверь, которая до этого дня всегда была для меня закрытой.

— За спрос не бьют, — прошептала я себе под нос и принялась нажимать на кнопки, вбивая в телефоне номер своего биологического отца.

Пропустила испуганный удар сердца, а затем всё-таки нажала на дозвон.

Всё, назад дороги нет...

Глава 9 – Вся наша жизнь - игра

Вероника

Гудки потусторонними силами рвут мои барабанные перепонки. Сердце трусливо сбегает в пятки и там трескается, а затем и вовсе крошится в пыль от робости, страха и отчаяния. Ведь это последняя для меня инстанция. А дальше что? Паперть? Ну такое...

Хотя, это всё равно лучше, чем вернуться в посёлок к матери.

— Слушаю, — прицельным выстрелом прямо в голову бьёт мне басистый, словно бы прокуренный мужской голос.

— Здравствуйте, — бормочу я, но понимаю, что меня почти неслышно, прокашливаюсь и ещё раз громко повторяю приветствие.

— Кто это?

Боже, как вообще это делается? Язык наливается свинцовой тяжестью, в черепной коробке мозги превращаются в труху. Не одной мысли как, а именно что говорить моему отцу так, чтобы он вдруг захотел меня слушать.

— Меня зовут Вероника и я...

— Откуда у вас мой номер? — грубо перебивает меня мужчина, и сердце за рёбрами врубает сирену, предупреждая меня о том, что я шагаю по чересчур тонкому льду.

— От мамы.

— Что? — по его голосу слышно, что он злится и вообще уже находится в шаге от того, чтобы положить трубку, предварительно послав меня на развесёлые буквы.

— Моя мама дала мне ваш номер, Иван Савельевич.

— Чётко и по делу, девушка. У вас десять секунд, чтобы объяснить цель своего звонка, в противном случае я просто положу трубку. Время пошло.

Я тут же сглотнула горький ком, забивший глотку, и смахнула со щеки одинокую слезинку. Потому что понимала — мне вновь не рады. Но самое поганое было то, что мне в очередной раз светило протягивать руку в просительном жесте, умоляя о помощи того, кто должен был априори стоять за меня горой.

Папа.

Для любой девочки это маяк в бушующем море. Нерушимый оплот. Защитник. Жилетка, в которую она будет плакать, когда расцарапает коленку или влюбится в неподходящего парня. Он вытрет слёзы и скажет, что всё обязательно будет хорошо. Потому что он так сказал. Потому что он мужик и отвечает за счастье своей любимой принцессы.

У меня же был неправильный папа. И мама тоже была неправильная. Может, именно поэтому и в моей жизни теперь всё шло через задницу просто потому, что нехорошо это — изменять традициям.

— Моя мама, Храмова Алевтина Петровна. Она дала мне ваш номер, Иван Савельевич, — этими двумя предложениями я попыталась всё расставить на свои места, но по итогу только ещё больше всё усложнила.

— Зачем? — его голос стал более уравновешенным, но оттого не менее суровым.

— Ну..., — я начала и тут же стухла. Я не знала, как правильно сказать то, что было у меня в голове.

«Здравствуй, папа. Дай денег».

Очень мило, правда?

— Меня зовут Вероника.

— Я знаю, — ответил мужчина, но я не вычленила смысла в этих двух словах. Просто не смогла из-за шкалящих нервов. — Дальше что?

— Дальше? Я поступила в институт, Иван Савельевич. На бюджет. Мне выделили общежитие, но оно вчера сгорело, и теперь мне негде жить, а мама...

— Дай угадаю? А мама посоветовала позвонить мне и слёзно попросить ещё бабла, так?

— Ещё бабла...? — я зависла, совершенно не понимая, куда он клонит. — Нет... то есть да, но не совсем. Боже! Мама выгнала меня из дома из-за того, что я не осталась при ней и решила учиться. И у меня сейчас нет ни копеечки, понимаете? И взять их негде, потому что я ещё не успела никуда устроиться.

— Ну конечно...

— Иван Савельевич, мне немного надо, правда. Хостел стоит не так уж и дорого, — тараторила я, боясь того, что он перестанет меня слушать и повесит трубку, — а на неделе, я вам клянусь, что устроюсь куда-то на подработку и всё вам верну. Я прошу не дать, а занять.

— Угу.

— Я вам всё верну, обещаю, - повторяла я все одно, да потому. - Только, пожалуйста, помогите. Мне больше не к кому обратиться.

Я говорила и слышала, как слёзно дрожит мой голос, как судорожно захлёбывается дыхание. Чувствовала, как текут по щекам солёные слёзы страха оттого, что в конце пути, несмотря ни на что, меня ждёт провал.

— Пожалуйста, Иван Савельевич. Мне даже негде будет сегодня переночевать, если вы мне не поможете.

— Ну всё, хватит! — оборвал он мои стенания, а затем глубоко вздохнул и продолжил говорить, а я за кадром слышала, как он чиркает зажигалкой и глубоко затягивается. — Вероника, признаться, я поражён. Но я отдаю дань твоим актёрским навыкам, они ничуть не хуже, чем у Алевтины.

— Что?

— Да ничего! Но сколько можно? Или вам всю жизнь с матерью будет мало, скажи? Я восемнадцать долгих лет тянул эту лямку, полностью оплачивая твоё содержание, затем купил для тебя на восемнадцатилетие квартиру на берегу Чёрного моря. И что я слышу? А вот что — мало, папа, дай ещё.

— Я не понимаю...

— Ах, не понимаешь? Ну вот и я не понимаю, что нужно сделать, чтобы вы с матерью уже оставили меня в покое. У меня своя семья, Вероника. Дети, внуки. Я пожить хочу хоть немного, не дёргаясь уже от звонков Алевтины с угрозами и откровенным шантажом. Я сыт всем этим по горло! Ясно вам?

— Иван Савельевич…, — я словно угодила в прокисший кисель и теперь тонула в этой невразумительной жиже, не понимая, как спастись и что делать дальше.

Это какой-то чёртов сюр!

— Вероника, давай честно. И я надеюсь, что ты меня услышишь и поймёшь правильно, прекращая уже наконец-то плясать под дудку Алевтины. Твоя мама всегда знала, что я несвободен. К тому же на то время у меня уже был один ребёнок, которого я бы никогда не оставил. Но Алевтина решила, что благодаря тебе сможет надавить на меня и вынудить бросить семью. Она намеренно затянула со сроками беременности, чтобы я уже не смог отвертеться. Поэтому-то и получилось так, как получилось. Мне жаль, что так вышло, но я ужасно устал от махинаций твоей матери. Я устал отказывать во всём своей семье, только бы умерить бездонные аппетиты Алевтины. Но теперь всё, я сказал!

— Спасибо, — глотая слёзы едва-едва выговорила я. — Вот только при чём тут я?

— Я свой долг перед вами искупил. Я обещал, что буду помогать до твоего совершеннолетия — и я это сделал. С меня хватит!

— Я этого не знала, — ответила я, внутренне сражаясь с безысходностью и с зарождающейся истерикой, а потом услышала сдавленное «прощай» и длинные гудки, которые похоронным маршем долбили по моим истерзанным в клочья нервам.

И ничего больше нельзя сделать. Ничегошеньки! Я не желанная и нелюбимая. Я просто кусок плоти, которую принесли в жертву человеческим амбициям, да только ритуал не удался. Вот так один человек взял и своим необдуманным импульсивным решением сломал сразу три судьбы: свою, моего отца и мою.

Просто, потому что ей приспичило.

В эту минуту я ненавидела мать как никогда.

Но всё же заставила себя по памяти набрать её номер и сделать дозвон. Мне было необходимо окончательно для себя всё прояснить.

— Ну кто там ещё?

Пьяна. Голос визгливый и немного гнусавый. Ревела. Так ей и надо.

— Привет, мам.

— О, дочурка! Сколько Лен, сколько Зин. Ну что, давай умоляй, я готова внимать.

— О чём умолять?

— Мама, дай мне денег, я без тебя ничто и звать меня никак, — писклявым голосом передразнила мать и противно рассмеялась.

— Да не нужны мне твои деньги, — грустно усмехнулась я, — только правда. Её-то ты мне хотя бы можешь дать?

— А-а, так ты всё-таки папаше дозвонилась? — и снова смех, полный желчи и тотальной злобы. — Ну и что он тебе про меня наплёл?

— Наплёл? — выдыхаю я, поражаясь её пуленепробиваемости. — Мам, скажи, есть в тебе хоть что-то святое?

— Всё святое во мне умерло вместе с Ирой и Анатолием. Всё? Съела? Ещё вопросы будут?

— Будут, Алевтина Петровна, — отчеканила я. — Отец мне помогал всё это время, так?

— Он должен был не тебе, а мне! Ясно? — мать принялась буквально орать в трубку.

— А квартира?

— А квартиру я продала и все вырученные деньги передала общине, чтобы каждый воцерковленный отмолил твои грехи. И да, можешь меня не благодарить.

— Не волнуйся, не буду.

— Кстати, бабка тебя прокляла, — чересчур весело пропела мать.

— Я вас тоже, — в сердцах ответила я и бросила трубку.

И снова расплакалась навзрыд, понимая совершенно чётко, что мне больше некуда было идти и не у кого просить помощи. Я словно надувная лодка посреди штормящего моря. И нет надежды на спасение. Только страхи уродливого будущего: холодные ночи на вокзале, еда с помойки и вещи с чужого плеча.

От этих «радужных» перспектив слёзы ещё сильнее закапали из глаз, а лёгкие почти отказали качать воздух, не справляясь с моей жизненной драмой.

Да сколько же можно, чёрт возьми? И за что мне всё это? За какие такие грехи?

Но никто не отвечал на мои вопросы. Небеса безмолвно взирали на меня, ожидая, кажется, того момента, когда я окончательно сломаюсь и упаду в грязь. Но я лихорадочно думала, что же делать, кого ещё попросить. Кого умолять. У кого валяться в ногах, взывая к милосердию...

А в следующее мгновение моего плеча коснулась чья-то ладонь, и я услышала голос:

— Истомина, это ты, что ли?

Задохнулась. Подняла глаза.

И ужаснулась!

Глава 10 – Меньшее из зол

Вероника

Не знаю, что со мной случилось. Может быть, я окончательно выпала в нерастворимый осадок. А может быть просто до смерти перепугалась того, что ко всем моим несчастьям добавится ещё один дополнительный пресс.

— Ну и чего ты на меня так смотришь? Думаешь, я тебе голову откушу?

— Ты можешь, — прошептала я и судорожно выдохнула, понимая, что всё это время не дышала.

Ну ещё бы, встретить здесь и сейчас Марту Максимовскую я совсем не ожидала. Да и, если по-честному, не хотела этого делать более никогда в своей жизни. Эта девушка ассоциировалась у меня со слезами и болью. Я смотрела на её стервозно красивое лицо, а видела лишь галдящую толпу из той гимназии, которая насмехалась надо мной. Издевалась. И заставляла резать волосы.

— Знаешь, — Максимовская обошла меня по широкой дуге, окинула критическим взглядом с головы до пят, а затем зачем-то приземлилась рядом на скамейку, закидывая ногу на ногу и принимаясь вещать, — это становится плохой традицией, Истомина.

— Что именно? — я чуть отсела от неё на лавке, но Марта тут же придвинулась ко мне вновь и усмехнулась.

— Твои слёзы, — кивнула она на моё лицо, и я тут же принялась стирать солёную влагу со щёк.

— Какое тебе до них дело?

— Похудела так сильно, — будто бы не слыша меня, проговорила Марта. — Глисты завелись, что ли? Или всё по Басову сохнешь?

Эта фамилия в одну секунду пробила огромную дыру в моей ментальной броне. Я по кирпичику выстраивала её месяцами, а теперь бах — и всё. Я вновь эмоциональная калека.

— Бабка перестала закармливать как на убой, — зачем-то объяснила я, стараясь потушить боль в сердце.

— Я по тебе скучала, Истомина, — внезапно огорошивает меня Максимовская и, закидывая руку мне на плечо, вдруг притягивает к себе и по-свойски треплет.

Я тут же отбиваюсь и смотрю на неё исподлобья.

— Ты это чего?

— Сбежала, да? — игнорирует мой вопрос Марта. — Завидую. Я бы тоже сбежала, да отец не позволил. Пришлось доучиваться в гимназии и каждый божий день лицезреть, как Аммо лижется с очередной влюблённой в него дурой.

— Ты ждёшь сочувствия? — пытаюсь я встать на ноги, но Максимовская резко хватает меня за руку и тянет назад.

— Я же тебе тогда посочувствовала.

— Тобой двигала жажда мести, Марта.

— И она тоже, — кивает девушка и мы замолкаем.

Меня начинает лихорадочно потряхивать и знобить. Наступил адреналиновый откат. Ладони затряслись, и я зажала их между коленей, вперивая взгляд в никуда.

— Истомина? — Максимовская по непонятным мне причинам продолжает сидеть рядом, зачем-то полностью копируя мою позу.

— Слушай, ты никуда не опаздываешь?

— Ничего, подождут. Ты мне лучше скажи, почему опять рыдаешь. Из-за общаги? Сгорело что-то важное, да?

И чего она ко мне привязалась? Я перевела на девушку усталый взгляд и зачем-то начала говорить, хотя подсознание ещё скребло призрачное подозрение, что Максимовская просто решила поразвлечься за мой счёт. Рваный всхлип вырвался из горла, и подбородок предательски задрожал, хотя я и не обратила на это никакого внимания, начиная свою историю. Зачем? Наверное, просто хотела хоть кому-то выговориться. Пусть даже и своему врагу. Больше ведь было некому.

— Что ж, Марта, давай я тебя развлеку. Жаль, конечно, что попкорна у меня нет, но ты уж не обессудь. Итак, начнём с самого начала. Мать увезла меня доучиваться в посёлок, но не для того, чтобы я смогла спокойно окончить школу и поступить в вуз, а для того, чтобы сплавить меня в монастырь до конца дней моих.

— Ох, ты ж... блин...

— Дальше я сбежала и поступила сюда. А потом у бабки случился инсульт и мать решила, что лучше я буду для неё персональной сиделкой, чем монахиней. А когда узнала, что я поступила на бюджет, то вовсе не обрадовалась, а просто выгнала меня из дома. И мне бы выдохнуть, да не могу. Общежитие сгорело, и мне больше негде жить, потому что денег нет даже на еду. Ну как, нравится тебе моя история, Марта?

Я замолкла. Но мы продолжали смотреть друг другу в глаза, пока девушка неожиданно не схватила меня за руку, одновременно вставая с лавки.

— Поехали.

— Ты чего? Никуда я с тобой не поеду, — воспротивилась я, но Марте при её тощей комплекции силы было не занимать.

— Я что, по-твоему, чудовище?

— Да, — честно выдала я.

— Вот сейчас передумаю и перестану тебе помогать! Пошли, говорю.

— Куда?

— Куда надо!

— Я никуда с тобой не пойду!

— Тебе жильё нужно или нет? — мы уже почти ругались посреди улицы.

— Но...

Но Марта лишь отпустила мою руку, затем подхватила потрёпанный чемодан и пошла с ним в сторону проезжей части.

— Марта! — последовала я за девушкой, пытаясь забрать у неё свою вещь, но Максимовскую было не остановить.

— Давай так, ок? Я покажу тебе место, где ты сможешь перекантоваться какое-то время. А там уже видно будет, что делать дальше. Но сегодня так: либо со мной, либо на вокзал. Выбирай.

И я, спустя пару минут сомнений и терзаний, всё-таки выбрала меньшее из зол. Хотя боялась жесть как! И да, я села в ярко-красный седан, за руль которого прыгнула Максимовская, а затем, дёргаясь от каждого громкого звука, ждала, что же будет дальше.

А дальше была квартира в самом центре города. Небольшая, но уютная гостиная и две комнаты, в одной из которых обнаружилась спальня, а во второй что-то типа кабинета с высоким стеллажом для книг, рабочим столом и раскладным диваном. Марта всё детально мне показывала и рассказывала: как пользоваться навороченной кухней, как включать посудомойку и стиральную машину, как открывать и закрывать входную дверь, и где я могу хранить свои вещи.

— И чья это квартира? — осмелилась спросить я в конце её длиннющего монолога.

— Моя.

В голове тут же загромыхала сирена, предупреждая меня об опасности, но я лишь стояла и смотрела на Максимовскую, понимая совершенно точно, что больше мне, действительно, идти некуда.

— Останешься? — наклонила девушка голову набок, чуть покусывая губы в ожидании моего ответа.

— Зачем ты это делаешь, Марта?

— Я тебе должна. И себе тоже, — в её голосе было столько неприкрытой грусти, что меня отчего-то прошибло и я начала с устрашающей скоростью верить в то, что Максимовская не врёт. Но я тут же мысленно врезала себе по лицу и призвала к трезвости ума.

Это Марта, а не моя закадычная подруга, чтобы верить в её бескорыстные начала.

— Я найду работу и съеду.

— Я тебя не гоню, так что...

— Мы с тобой враги, Марта, — напомнила я девушке, — ты оскорбляла меня, насмехалась, издевалась и заставила обрезать волосы. Думаешь, я так легко забуду всё это дерьмо?

А в следующее мгновение случилось то, чего я никак не ожидала увидеть. Лицо девушки покраснело, а глаза набухли от слёз. Одна капля скользнула по щеке, вторая замерла на ресницах.

— Я вечно делаю что-то не так, Вероника. Пытаюсь заслужить любовь людей, которым никуда не упиралась. Из кожи вон лезу, чтобы быть нужной, но делаю только хуже. За этим фасадом, — и она указала себе на лицо дрожащими пальцами, — пустота. Ни стойкости, ни силы духа, ничего, за что сильным личностям, вроде тебя, было бы зацепиться. Рядом со мной уживаются только паразиты. И сейчас я просто пытаюсь сделать хоть что-то хорошее, но всё равно ничего не выходит. Люди видят во мне, или пустышку, или монстра. И ты тоже.

— Кто в этом виноват, Марта?

— Только я. И да, я осознаю, насколько низко пала в твоих глазах, но всё равно буду рада, если ты останешься. И может быть, тогда мы сможем...

— Что?

— Ну не знаю, — пожала она плечами, — помочь друг другу?

Я в этих словесных шарадах только ещё больше запуталась. Но Марта услужливо оставила меня одну, правда, ненадолго. Уже спустя полчаса она вернулась и с улыбкой, какой я ещё никогда не видела на её лице, спросила:

— Голодная? Я вчера борщ варила.

— А он точно съедобный?

— Пока не попробуешь, не узнаешь.

На поверку борщ оказался волшебный. Его мы ели вприкуску с чесноком, салом и чёрным хлебом. А затем пили домашний компот из яблок, который Марта тоже варила сама.

— Что-то у меня разрыв шаблона, — произнесла я, качая головой и подозревая, что у меня вот-вот начнёт дёргаться глаз.

— Да я вообще ходячий сюрприз, — смущённо улыбнулась девушка, а затем неожиданно выпалила вопрос. — Чем у вас тогда всё закончилось, Вероника?

Я сразу же поняла, кого Максимовская имеет ввиду и деланно равнодушно пожала плечами, хотя на деле хотелось что-нибудь в гневе расколошматить.

— Чем? Ну, Басов довёл меня до слёз.

— А дальше?

— А дальше провожать не стал.

— Смешно.

— Да уж, обхохочешься...

— Он, кстати, как и ты, не доучился в гимназии. Отчислился и укатил в Москву.

— Мне плевать.

Но сердце навынос. До сих пор! Вот только иммунитет мой стал сильнее и теперь я рыдала по этому парню внутри себя, а не напоказ.

— Врёшь.

— Вру, — кивнула я и задохнулась оттого, что невидимая глазу колючая проволока стянула грудную клетку. Сильно.

— Ладно, не будем больше о мудаках, они этого не заслужили. Тебе работа нужна, говоришь?

— Нужна. Очень!

— Тогда у меня есть для тебя предложение.

Как оказалось, двоюродная тётка Марты владела сетью ветеринарных клиник, а также ветаптек и приютом для бездомных животных. Женщина она была сердобольная, а потому сразу приняла меня на неполный рабочий день администратором с почасовой оплатой.

Спустя неделю я скопила достаточно, чтобы вернуться в хостел и, хоть и на подсосе, но всё же дотянуть до конца семестра, а там уж и общежитие должны были отремонтировать. Как раз сегодня я и собиралась объявить об этом Максимовской, а затем собрать вещи, поблагодарить девушку от всей души за помощь и съехать.

Вот только саму Марту унесло куда-то не туда.

Оказывается, мы с ней учились в одном вузе, только на разных факультетах. Марта должна была стать экономистом, а я дизайнером одежды. Она несколько раз подвозила меня на учёбу и обратно, но не сегодня, ссылаясь на какие-то важные дела.

А когда вернулась, то радостно закричала на всю квартиру:

— Истомина, беги сюда.

— Что такое? — высунула я нос в коридор.

— Смотри, что я нам купила, — и Марта протянула мне какую-то коричневую подстилку, — ну же, иди ближе.

Я подчинилась, а вскоре прочитала надпись на коврике:

— Бывший?

— Круто, да? Будем приходить и с порога топтать каждый своего: я — Аммо, ты — Басова.

— Ты дурная? — нахмурилась я, а потом не выдержала и рассмеялась.

— О, да! — улыбнулась девушка и припечатала мне в лоб. — А ещё я заказала в твою комнату кровать с ортопедическим матрасом. А то мостишься на этом диване. Ну его.

— Марта...

— Не волнуйся. Отец в курсе, что я теперь живу с подругой, но ему откровенно насрать. Его любимая поговорка звучит так: чем бы дите ни тешилось, лишь бы мозг не клевало. Так что, всё у нас с тобой в шоколаде, Истомина!

— Я съезжаю сегодня, — прервала я поток этого восторженного бреда, а Марта тут же осеклась и шлёпнулась задом на обувную банкетку, взирая на меня как на привидение.

— Зачем?

— Что значит, зачем? Я скопила денег и могу теперь вернуться в хостел, вуз держит за мной место. Спасибо тебе за постой, но...

— Ты спятила? Какой к чёрту хостел? — я с ужасом увидела, что глаза Максимовской покраснели.

— Я не хочу тебя стеснять.

— Ты меня не стесняешь. Ясно? И вообще, может быть, мне нравится с тобой жить?

— Может быть?

— Я уже тысячу раз перед тобой извинилась. Что надо ещё сказать или сделать, чёрт возьми, чтобы ты меня простила?

— Я не понимаю, что ты хочешь от меня, Марта? — развела я руками и устало прислонилась к стене.

— Я хочу хоть кого-то настоящего в своей жизни. Не пластмассовых друзей и подруг, родителей и близких. Ладно, если тебе здесь эту неделю было плохо, то уезжай. Давай — я тебе и слова не скажу. Но если было комфортно, то оставайся. Представим, что я просто твоя соседка по комнате в общаге, ладно?

— Вот же мне не повезло в этой жизни, — сказанула я, а затем прыснула и рассмеялась.

— Ты даже не представляешь себе как, — покачала головой Марта, накрутила на палец свой длинный каштановый локон и произнесла на выдохе, — на выходных я их обрежу.

— Зачем?

— Я тебе должна.

Глава 11 – Винтики

Вероника

Конечно же, общежитие не отремонтировали до января. Только к следующему учебному году студентов вновь заселили в, пахнущие обойным клеем, комнаты. Но я туда не вернулась. Марта форменно и безапелляционно встала в позу, заявив, что я буду жить там только через её труп.

Я спорить не стала, потому что за минувший год в отношениях между нами всё так перекрутилось, что даже волосы на голове шевелились. Признаться, первые пару месяцев мне было непросто. Максимовская вечно пыталась меня куда-то за собой тащить: то в кино, то в спортивный зал, то вообще решила, что мне хватит носить очки и я должна немедленно перейти на линзы. Её прыти я пыталась сопротивляться, но толком ничего не выходило.

А потом наступил ноябрь и день моего рождения, на который Марта подарила мне самую настоящую биту, на ударной части которой было выгравировано «По харе Басова бить этим местом».

Я от такого подарка не просто умилилась, а впала в поистине гомерический хохот. А потом и не заметила, как сама крепко-крепко обняла Максимовскую.

Наверное, именно в тот день всё и перешло на новые рельсы. Как-то само собой задушевные разговоры между нами длились с вечера и до утра. И я вывалила на Марту всё своё уродливое прошлое. Про мать, связь с которой окончательно прервалась. Про отца, который совсем не хотел меня знать. Про бабку, погибшую сестру и отчима. Про Ярослава, который паразитирующим червём до сих пор сидел в моём сердце, продолжая выгрызать его изнутри. Про то, как он играючи променял меня на Андриянову и выслал матери мои фотографии в обнажённом виде.

Но как известно, богатые тоже плачут.

Так и Марта поведала мне историю своей жизни, которая также не могла похвастаться яркими красками.

— Мама умерла от сердечного приступа, когда мне было год и восемь месяцев. Покойная бабушка говорила, что я её наутро так и нашла, уже холодной и посиневшей. И не плакала, а только теребила её волосы и просила меня покормить. Отец сначала пил, потом загулял, а дальше озарился мыслью, что мне срочно нужна новая мама. Вот тогда-то и началась самая жесть. Кто меня только не воспитывал. Да и про методы я молчу. А отец не верил мне, ему было проще всё списать на то, что капризная и разбалованная дочь вновь не приняла его избранницу. В итоге я всё чаще жила у бабы и деда по материнской линии, которым тоже было на меня, мягко говоря, насрать. Они горевали по ушедшей дочери, а я, похожая на неё как две капли воды, была им словно кость поперёк горла. Потом я подросла и смекнула, что правда не всегда помогает в достижении целей. И я начала гадить. И только разведя отца с очередной молодой подружкой, я радовалась и какое-то время купалась в лучах его внимания. Этот же формат отношений я спроецировала и на школу и упивалась своим мнимым величием, не понимая, что со мной рядом трутся лишь крысы, трусы и паразиты.

— Что случилось между вами с Аммо? — осмелилась задать я вопрос.

— То, что дало мне понять, что я лишь жалкий винтик в пищевой цепи, — Марта какое-то время молчала и нервно теребила подол своего варёного свитера, а потом всё-таки пояснила, — мне так красиво и качественно пели в уши, что я важна и нужна, а по факту оказалось, что я лишь затычка.

— Что это значит?

— Это значит, что пока я сходила с ума по Рафаэлю, сам он был одержим другой.

— Кем?

— Если бы я знала, Ник. Но я видела эту девушку только на его многочисленных рисунках. Целые альбомы, посвящённые лишь ей одной. И когда я увидела их, меня вдруг придавило плитой осознания — меня тупо используют, считая всего лишь легкодоступной дурой, которая за шорами собственного самомнения не видит ни зги. Жалкая влюблённая Марта, которая готова была пойти на всё, чтобы заслужить хотя бы толику искренних чувств от своего идола, а по факту меня всего лишь изваляли в грязи. Тогда я ревела несколько дней белугой и хотела, чтобы Аммо сдох самой страшной смертью, а сейчас я ему благодарна. Он смог показать мне, что в этом мире по-настоящему важно.

— И что же?

— Совесть.

Тогда-то я и поняла, что каждый в этом мире способен исправиться сам. И неважно, ходишь ли ты при этом в церковь или нет. Потому что совесть — она вне системы. Между богом и человеком не нужны посредники, чтобы не превратиться в бесчестную мразь.

Да и вообще, верить надо не в бога. Верить надо прежде всего в себя!

Скажите мне, кто ближе к Всевышнему: моя конченая мать, которая несколько раз на неделе обивает пороги храма или Марта Максимовская, которая смогла перешагнуть свою гордыню? Вопрос из разряда риторических...

Я в этом так уж точно убедилась, когда совершенно неожиданно для собственной расшатанной и расстрелянной в упор психики, встретила в стенах вуза тень своего прошлого — Рафаэля Аммо. Он несколько раз проходил мимо, смотрел на меня словно на лепёшку коровьего говна, а затем решил снизойти до личного общения.

— Истомина, — материализовался он передо мной как всадник Апокалипсиса.

— Проясню сразу — неинтересно, — не сбавляя скорости, приговорила я и поплыла дальше, внушая себе, что я не просто девочка Вероника, а сама царица Египетская.

На душе сразу стало в высшей степени паскудно оттого, что этот человек нарушил зону моего комфорта. На губах до сих пор горел огнём его отвратительный поцелуй. За рёбрами вибрировала ярость. И до зуда в костях хотела отыграть священный перезвон на его борзых колоколах!

— Разговор есть, — одёргивает он меня за руку и требовательно смотрит в глаза так, будто бы имеет на это право.

Скажи мне кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты — они с Басовым были два брата акробата. И спасибо им за опыт, но больше не надо.

— Руки от меня убрал, — рычу я, но Аммо лишь скалится и отрицательно качает головой.

— Не сегодня...

И только я было решаюсь вцепиться в его чересчур и совершенно незаслуженно красивое лицо, как в наш междусобойчик врывается разъярённая фурия. Марта Максимовская со всей дури лупит по рукам Рафаэля, а затем становится между нами и гневно шипит своему бывшему.

— Ты глухой, Аммо? Или тупой? Или совсем конченный, раз тебе необходимо повторять прописные истины — не трогать того, до кого ты морально не дорос?

— Вау, сколько патетики, моя ты хорошая.

— Исчезни!

— Ещё увидимся, Истомина, — подмигивает Аммо, чуть отгибаясь в сторону, и улыбается мне во все тридцать два белоснежных зуба.

Но мы лишь синхронно поднимаем с Мартой правые руки и выставляем средние пальцы прямо в ухмыляющееся лицо этого волшебного персонажа. Он же только откидывает голову и заливисто смеётся, отдаёт под козырёк и уходит.

Аммо пытался выдернуть меня на разговор ещё несколько раз, но ситуация так и осталась на уровне его желания. И наши дороги окончательно разошлись как в море корабли. Нет, мы, конечно же, периодически обменивались пустыми взглядами, но не более. Я сосредоточилась на другом — на последовательном и монотонном отшивании от себя парней, которые неожиданно для меня вдруг стали пачками оказывать знаки внимания. А я в каждом видела врага. В каждом искала что-то, что напоминало мне Ярослава...

А затем наступил второй курс, и я потонула в собственной, постепенно налаживающейся жизни. У меня была лучшая подруга, интересная учёба и работа, приносящая неплохие деньги. А ещё Марта подарила мне швейную машинку на двадцатый день моего рождения, и я принялась сама шить нам настоящие шедевры, коих не отыщешь ни в одном магазине готовой одежды.

Три года мы жили душа в душу. Вытаскивали друг друга из трясины жизненных невзгод. И уже давным-давно предпочли забыть, как уродливо начиналось наше знакомство. Мы стали другими. Я, благодаря Максимовской, стала твёрже и увереннее в себе. Она же под моим влиянием стала мягче и добрее к окружающим.

Ко всем, кроме одного — старосты своей группы, с которым они грызлись как кошка с собакой. Он, капитан баскетбольной команды, органически не переваривал Марту. А та отвечала ему лютой взаимностью.

Вот только каждый раз, после очередной склоки с Фёдором Стафеевым, моя подруга становилась всё больше апатичной и раздражительной. Да и я замечала, как украдкой Марта рассматривает фото мускулистого, статного брюнета в социальных сетях, а затем фыркает и недовольно откидывает от себя телефон.

Я не лезла с очевидными выводами, потому что знала не понаслышке, как больно бывает любить. И пусть я только недавно убила в своём сердце последние остатки былых и больных чувств к Басову, но не хотела бы снова захлебнуться в том же гнилом болоте.

Лучше одной. Сама себя не предашь.

— О чём задумалась, подружка? — поставила передо мной кружку со свежесваренным кофе Марта и чуть приобняла за плечи, заглядывая в мои глаза.

— О том, готова ли я жить дальше.

— До сих пор болит?

— Нет, — решительно покачала я головой, — просто страшно, что снова может вывернуть наизнанку.

— Главное, чтобы кандидат был хороший, — грустно улыбнулась Марта.

— Главное, чтобы совсем плохие больше не отсвечивали, — усмехнулась я, и подруга тут же мне кивнула.

— Басов — это прошлое, Ника. Пусть он там и останется.

— Да, ты права, — согласилась я и окончательно выдохнула.

Глава 12 – Бессердечная

Вероника

Сентябрь. Наше время…

— Слышала, как тебя на потоке парни называть стали? — спрашивает Марта, когда я прохожу мимо неё утром. Она у высокого зеркала красит ресницы, чуть приоткрыв рот.

— Нет. Но и, в принципе, плевать, — пожимаю я плечами, надевая на себя новое коротенькое платье-футляр на тонких бретелях, которое я только вчера закончила шить. Оно плотно, словно перчатка облегает мою фигуру, и мне чертовски нравится, что я вижу в отражении. На остальное — до фонаря.

— Снежная Королева.

— Это из-за того, что я отказала Климову?

— И Грязнову тоже. Хотя сколько их вообще было за все эти годы? Но самый живучий — Грецкий. С первого курса не сдаётся. Мне кажется, что он реально тебя любит, подруга.

— Не екает. Я так не могу, — передёргиваю я плечами.

— Признавайся, ты ведёшь подсчёт разбитых сердец?

— Мне хватает одного — моего.

— Оу, бессердечная Истома...

За рёбрами вспыхивает фантомная боль и я морщусь, застёгивая на ногах цветные босоножки на высоком каблуке.

— Пожалуйста, не называй меня так.

— Но тебе и правда идёт, Ник. Ты в школьные годы и сейчас — словно два разных человека. Тогда ты бродила скукоженной и чересчур упитанной тенью по гимназии. А сейчас превратилась в горную лань: тоненькая, стройная, подтянутая — ну тут спасибо мне, что по спортивным залам таскаю. Волосы шикарные отрастила. Задница — орех. Грудь вишенкой третьего размера...

— Ну, перестань! — фыркнула я.

— Вангую, если бы Басов тебя сейчас увидел, то челюсть с асфальта отскабливал бы минимум часа три.

— Слишком много чести, Марта. Три с половиной года прошло, хватит о нём вспоминать.

— Ладно...

Дальше мы собираемся молча. Марта танцует под звучащую на всю катушку попсовую музыку, периодически подбегая к зеркалу то в одном наряде, то в другом. Я на эти нервные телодвижения смотрю с улыбкой, потому что знаю — такой взвинченной она может быть только по одной причине — Фёдор Стафеев. У подруги за три года учёбы сформировался чёткий пунктик — довести этого симпатичного баскетболиста до нервного тика.

— Какие планы на сегодня? — наносит на пухлые губы алый тинт Марта и улыбается своему отражению в зеркале.

— Первую пару я прогуливаю. Ребята с мясокомбината привезут заморозку для собачьего приюта. Волонтёры полгода деньги собирали и по итогу закупили костей на несколько тонн. Будут теперь ролик для стимуляции добрых дел снимать, а твоя тётя вновь попросила посветить лицом вместо неё.

— Ну, звезда!

— Да уж куда там, — смеюсь я, но поправляю лёгкий нюдовый макияж на лице.

— Тебя довезти?

— Нет, Валентина Ивановна обещала вызвать мне такси. Так что, не беспокойся. Давай лучше на большой перемене сходим в наше кафе, м-м? У меня сегодня организм требует дозы углеводов.

— Давай, — кивает Марта, и мы наконец-то прощаемся, расходясь каждая по своим делам.

В приюте всё складывается отлично и материал отснимают с первого дубля. А ещё мужчины из съёмочной команды забирают сразу двух псов, один из которых натурально расплакался, когда его вывели из клетки и дали понять, что теперь у него вновь есть человек.

Конкретно эту собаку выгнали из дома. Как и меня когда-то. Просто дали пинка под зад, а затем, наверное, как и моя мать, пошли мило улыбаться другим людям, пить чай, спокойно спать или посещать церковь, моля всевышнего даровать им счастья, здоровья и творческих успехов.

Вот так встречаешь человека, смотришь ему в глаза, думаешь, какой он милый и хороший в общении: в бога верит, в храм ходит регулярно. Молодец! А на самом деле он всего лишь жалкий кусок дерьма.

Из приюта уезжаю в странном настроении. Мне и тепло на сердце оттого, что сразу два чистых и преданных человеку существа вновь обрели дом. Но в то же время внутри у меня вновь начали кровоточить старые раны.

Не выдерживаю и набираю номер телефона, который уже несколько раз зарекалась себе удалить из списка контактов. Но, увы, за всё три года я так и не смогла этого сделать.

— Здравствуйте, тёть Наташ, — после трёх гудков на том конце провода всё-таки берут трубку.

— Здравствуй, Вероничка. Давно не звонила. Ну как ты там?

— Всё хорошо, учусь на отлично. Летом проходила практику в одном авторском ателье и меня пригласили на работу после выпуска.

— Ты умничка, с божьей помощью всё у тебя получится. Ты, главное, не забывай церковь посещать и у всевышнего просить помощи, он милосерден, он, знаешь, какой...

— Тёть Наташ, — прерываю я бесконечный поток словесного мироточения, — как там мама, бабушка?

— Ну...

— Что?

— Мать твою из школы уволили.

— За пьянку?

— Так ты знала? — молчу, лишь жду продолжения. — Ещё в начале этого лета. На выпускном такое вытворила, ой...

— А сейчас что?

— Затворница. Да и бабушка твоя лежит, совсем уже не встаёт. Пролежни там страшные, говорят. Но Алевтина сама за ней ухаживать отказывается. В постоянном поиске сиделок, но и они надолго не задерживаются. Одну девочку молоденькую из общины вообще по лицу ударила за пустяк. Там такие разборки были...

— И на что она сейчас живёт?

— Пенсия же есть, да и мы все люди милосердные — помогаем.

— А, ну да...

— Ты приедешь их проведать? — после длительного молчания уточняет тётя Наташа. Она каждый раз спрашивает одно и то же, хотя и знает, что я отвечу категорическим нет.

— Я перезвоню, — откровенно сливаю я этот разговор, а затем убираю телефон, закрываю глаза и откидываюсь на спинку автомобильного сидения.

За рёбрами дерёт. Гадко. Горько. Но жалости нет. Зачем тогда продолжаю звонить? Не знаю...

Пребывая в тухлых думах, не замечаю, как доезжаю до института. Но прошлое всегда меня засасывает. Сейчас я вновь перебрала мысленно всё и всех, кто когда-то молча топтал мою гордость. Каждого! От этого становится муторно, но определённо легче.

Я чувствую, что не просто так прошла по всем этим страшным жизненным лабиринтам. Теперь я стала сильнее. Закалилась. И более никому не позволю манипулировать собой, чувствами и моей любовью. Хотя я и не была уверена до конца, что теперь была способна на последнее.

— Приехали, девушка! — рапортует мне водитель, а я смотрю на часы и понимаю, что ужасно опаздываю. Наверное, Марта уже ждёт меня в кафе.

— Спасибо, — киваю и, на ходу надевая солнцезащитные очки, вываливаюсь из салона в сентябрьское краснодарское пекло.

Делаю всего пару торопливых шагов, а затем без предупреждения получаю разрывную пулю прямо в лоб. Бам — и мозги со свистом вылетают из черепной коробки через затылок. Тело окатывает крутым кипятком, а затем ледяной волной. Колени подкашиваются. За рёбрами в моменте гремит ядерный взрыв.

Потому что я узнаю ЕГО сразу же. Секунда, один лишь взгляд — и всё...

Со всей дури прикусываю щеку изнутри до крови и выписываю себе ментальную затрещину.

«Соберись! Ты же не тряпка!», — ору себе мысленно и приказываю вспомнить, кто я есть.

Я больше не Кочка. И не Вешалка.

Я бессердечная Истома, чёрт возьми!

Прихожу в себя.

Так-то лучше!

***

Дорогие мои читатели, пока вы ждете новую главу на Нику и Ярика, приглашаю вас в свою горячую (18+!) и бесплатную новинку: "Иди сюда - любить буду".

Ссылка:

https://litnet.com/shrt/hTrz

Аннотация:
Спасите! Помогите! Насилуют!

Погодите-ка....

У меня же в сумке палка колбасы завалялась и литр молока еще тоже. Сама справлюсь!

Огреть насильника? Прибить чудовище?

Вперед и с песней!

Ах, что ты там бормочешь? Перепутал меня с девушкой легкого поведения?

Поздно пить "Боржоми", милый, когда печень отказала.

Ах, еще не отказала?

Ну, тогда иди сюда, я тебя еще раз сумкой огрею!

https://litnet.com/shrt/hTlz

Глава 13 – Наотмашь

Ярослав

Странное и давно забытое ощущение струится по моим стылым венам, поджигает отсыревшие фитили и воспламеняет прежде, казалось бы, прогоревший порох. Это он — интерес, которого я не ощущал вот уже долгие три с половиной года.

Он оглушает.

Топит.

Отрезвляюще мажет по лицу, будто бы напоминая о том, что я всё ещё жив. Что не сдох побитой и ненужной собакой тогда, в прошлой жизни. Вот он я — вновь смотрю на девушку, и в груди начинает бурлить подобие азарта.

Я ещё не вижу её лица, но чётко понимаю — она красивая. Очень! Некрасивые девушки так себя не несут. Они сутулятся, смотрят исключительно под ноги и одним своим видом дают сигнал противоположному полу о том, что не стоят того, чтобы на них тратили ресурс.

В своей жизни я знал, только одну девчонку, которая смогла обмануть эту систему. Она же вывернула меня наизнанку. Я ненавидел её до сих пор и ничего не мог поделать с этим разрушающим чувством внутри себя. Потому что я слишком хорошо помнил, как мастерски она прокралась мне в голову, мысли и чувства. И раскурочила там всё своей псевдоневинной улыбкой.

Крошечная, полутораметровая чёрная мамба с глазами удивительного серо-зелёного оттенка. Именно она хладнокровно расстреляла меня в упор, когда я был меньше всего к этому готов.

А теперь передо мной появилась новая цель: густые каштановые волосы развеваются на ветру, стройные ноги уверенно вышагивают по брусчатке, идеальные по округлости бедра выписывают соблазнительные восьмёрки, подбородок горделиво задран и весь вид девчонки будто бы кричит о том, что она тут королева. А все остальные её верноподданные.

И как я уже говорил, есть только два минуса в этой идеалистической картинке: она шатенка и её рост не выше метра шестидесяти. В другой раз я бы хрен к ней сунулся по понятным причинам, но сейчас мне пришлось закрыть глаза на эти бесспорные минусы.

А дальше всё по беспроигрышной схеме: лениво выйти из тачки и непринуждённо прислониться к ней бедром, сложив руки на груди. И ждать, пока добыча сама приплывёт в мои сети.

Но неожиданно план чуть сбоит. Девушка, сделав всего пару шагов от такси, вдруг замирает, облизывает губы и наклоняет голову вниз. Пристально рассматривает свою левую ступню, обутую в босоножку на высоком каблуке. А затем плавно опускается на корточки и принимается поправлять хитроумную застёжку.

Я сглатываю, восхищаясь каждым её грациозным движением. Тем, как ткань её маленького чёрного платья вырисовывает изгибы совершенной фигуры. Меня ведёт. Конкретно!

В груди клокочет явственное и безапелляционное «хочу».

И я уверен на все сто, что всё у меня будет.

Скорее всего, что уже сегодняшним вечером.

Я так-то и не помню, когда бы тёлки мне отказывали. Пф-ф-ф, да никогда...

Уверенно и решительно делаю шаг ближе, когда девчонка заканчивает возиться со своей обувью. Пропускаю пару ударов сердца за рёбрами, стоит ей подняться и эффектно встряхнуть гривой блестящих на солнце волос.

Вау!

Зачёт, девочка.

Ну давай, иди ближе, мне же уже и самому в кайф!

Когда случится химия, я первым делом сниму с неё солнцезащитные очки и рассмотрю каждую чёрточку её лица. И наконец-то поставлю точку в её сходстве с той, которую мне было противно даже вспоминать.

Последний её шаг мне навстречу. Самоуверенная улыбка на моём лице расцветает буйным цветом. Взгляд прицельным лазером впивается в её сочные губы, которые мне совсем уже скоро скажут безоговорочное «да».

Поехали...

— Привет, — чуть преграждаю я девчонке путь и перехожу в контратаку.

Но буквально тут же глохну.

Почему? Потому что это королевишна, не сбавляя скорости своего движения и даже не повернув в мою сторону головы, просто подняла руку и сунула смачный «фак» прямо мне под нос.

На, мол, выкуси!

И дальше поплыла...

— Не понял, — пробормотал я ошалело, нахмурился и, скривившись, уставился в спину удаляющейся от меня стервы. Из тачки послышался гомерический ржач Аммо и меня форменно так бомбануло.

Ну, это она зря...

— Девушка, притормозите. Кажется, мы не с того начали. Сейчас накуролесим и потом будем всю оставшуюся жизнь об этом жалеть.

Молчит. Сучка.

Ладно. Мы негордые. И жесть какие упёртые.

— Девушка!

Догоняю и как придурок нарезаю вокруг неё круги, пока офигительные бёдра несут её стройную фигурку вперёд. Пытаюсь поймать выражение её лица под огромными солнцезащитными стёклами, но она упорно отводит взгляд. Вижу только, что дева красная недовольно кривит и поджимает губы.

Да что не так-то?

Вариант лишь один — Аммо проштрафился и оказался не в курсе, что у девчонки есть парень.

— Несвободна, что ли?

Снова ни слова в ответ.

— Да или нет?

Преграждаю путь. Девушка тормозит передо мной. Вздыхает, привлекая мой алчный взор к своей груди. Такая крепкая троечка. Манит меня. С удивлением чувствую, что по венам побежала не полумёрзлая водица, а крутой кипяток.

Кайф! Кайф!

— Позволь угостить тебя кофе, — выговариваю я, чувствуя, как голос вибрирует от предвкушения.

Как давно этого не было...

— Нет, — рубит неожиданно, пригвождая меня этим нелепым словом к месту, затем обходит мою персону по широкой дуге и чеканным шагом пересекает проезжую часть, направляясь прямиком к небольшой кофейне расположенной на углу улицы.

Усмехаюсь.

Красиво набивает себе цену, ничего не скажешь. Прямо моё браво!

Лениво вышагиваю за ней, заложив руки в передние карманы джинсов. По пути не отказываю себе в удовольствии полюбоваться её задницей. Зачётная! Такая прям крепким орешек-

ком, и я от умиления даже закусываю свою нижнюю губу, представляя себе, как эти сладкие булочки будут смотреться на мне сверху.

Бессовестный? Не-а, всего лишь реалист.

Вхожу в кофейню вслед за девчонкой. Встаю прямо за ней, когда она озвучивает свой заказ молоденькому бариста. Улыбаюсь и даю из-за её спины понять, что всё веселье за мой счёт.

— Добрый день, — периферией сознания слышу я голос девушки, а сам наклоняюсь ближе и полными лёгкими тяну в себя её запах. Прикрываю веки и хапаю ещё пару раз чувственного, умопомрачительного аромата. — Мне, пожалуйста, грушево-малиновый айс-латте и три сливочных шу.

Вытягиваю руку с картой и оплачиваю заказ, почти с наслаждением наблюдая за тем, как девчонка злится. Переходит в псих и выдаёт:

— Отменяется. Это не мой заказ. Я сделаю его позже.

И уходит, накручивая бёдрами так, что у меня под ширинкой начинает всё дымиться. Обычно я против таких капризных выкрутасов, но сейчас почему-то они меня неимоверно заводят.

Мой сладкий приз доходит до крайнего столика у окна. Садится за него и опускает голову. Я тут же занимаю место напротив и впериваю в неё свой горящий взгляд. Вылизываю глазами худенькие ручки, длинные пальчики с идеальным нюдовым маникюром, которые тискают трубку мобильника, пышную и блестящую гриву каштановых волос, тоненькие ключицы.

Хорошая, м-м-м...

— Я — Ярик, кстати, — упорно дожимаю я свою тему. — Будем знакомы?

— А мы уже, — отвечает девушка, резко поднимая ко мне лицо и снимая с него солнцезащитные очки.

На минуту зависаю.

Внутренности ошпаривает.

Стремительно выпадаю в нерастворимый осадок.

Узнавание лупит. Сильно. Наотмашь...

— Истома..., — выдыхаю я, раздирая одним только этим словом себе всю гортань в мясо. Язык горит от яда, который я добровольно хапнул.

А в черепной коробке ничего — мозги подорваны к чертям собачьим.

Убийца, сидящая напротив меня с непринуждённым видом, только усмехается и качает головой, знакомым до рези в груди движением заправляя прядь волос за ухо.

Это она...

И не она одновременно.

— Поболтаем как старые добрые друзья, или сразу свалишь на хрен, Басов? — вопросительно выгибает она правую бровь и чуть наклоняет голову набок.

Прищуривается, расстреливая меня максимально неприязненным взглядом.

А я ничего ответить не могу, только жру её образ глазами, не в силах остановиться. Она критически похудела до состояния хрупкой лани. Обрезанные давным-давно волосы отрасли и сейчас густыми крупными локонами обрамляли её лицо. Никаких больше нелепых косичек. И теперь без очков. Глаза — серо-зелёные озёра, что, как и прежде, манят меня в свои непроходимые топи.

Красивая. Но не такой заезженной красотой, на которую любуешься пару дней и пресыщаешься до тошноты. Нет. Здесь можно откровенно залипнуть минимум на вечность и в кратчайшие сроки тронуться кукушкой.

Три с половиной года назад я по дурости сделал это. Слава богу, переболел. Лишь свербит где-то глубоко в груди застарелая ненависть.

Продажная блудливая кошка.

Когда-то я мечтал проехаться по ней бульдозером. Сейчас же? Я просто хочу более не соприкасаться с этой дрянью. Никогда.

— Попутал, — наконец-то выдавил я из себя.

— Причём конкретно, — кивнула Истомина и скучающе подпёрла подбородок ладонью.

И мне бы встать и уйти, но не могу. Просто сижу как придурковатый увалень и пялюсь на неё. И так бесит, что она расселась тут, словно царская особа, вся такая ладная и прилизанная. Пока я ментально харкал кровью, где она была? Чем жила?

Я изнутри трескаюсь и, кажется, распадаюсь на куски. Бариста так не кстати приносит за наш столик заказ Истоминой. Что-то спрашивает у этой профурсетки, а она с лучезарной улыбкой ему отвечает. Глазки блестят. Правильная, начитанная, без молодёжного словесного поноса речь, льётся рекой.

Бариста откровенно лепит на Истомину свой глаз.

Я бы и сам запал, если бы не знал наверняка сколько в ней гнили.

Снова остаёмся одни, и я наконец-то отвисаю. Надеваю на лицо маску не обременённой невзгодами личности и выдаю напоследок:

— Бывай.

— Ага, — даже не поднимает на меня глаза, полностью посвящая своё внимание телефону. С кем-то переписывается.

Раздражение вспыхивает во мне как стог сухого сена, но я заливаю его мегатоннами ледяной воды. Всё! Я чёртов айсберг и мне посрать на эту девку.

Уходим на закат!

Встаю из-за стола под звон колокольчика, который извещает персонал о новом посетителе. Истомина заметно дёргается, поворачивается и мы, кажется, вместе смотрим на ту, кто поспешно вышагивает в нашу сторону на высоченных шпильках с неизменной алой помадой на губах.

За рёбрами вспыхивает иррациональное и в высшей степени нелепое желание заслонить от этой змеи Истомину, но я вовремя одёргиваю себя. А через пару секунд вновь выпадаю в ошибку.

Какого...?

— А вот и я, — щебечет Максимовская и почти переходит на бег, кидается к Истоминой, и они обнимаются (обнимаются, Карл!), словно закадычные подруги.

Последняя стреляет в меня убийственным взглядом и Марта наконец-то замечает, что я — это я, а не тупой горшок с фикусом.

— Это что за хрень? — морщится она.

— Сбой в матрице, — пожимает плечами Истомина, и я наконец-то прихожу в себя, соглашаясь с ней по всем фронтам.

Не прощаюсь, просто отряхиваюсь, словно бы по мне бегают мерзкие кусачие пауки. Ухожу, обещая самому себе, что прямиком отправлюсь к Аммо.

А затем выбью ему к чертям собачьим парочку передних зубов.

Засранец недоделанный!

Кофейню приказываю себе покинуть максимально неторопливо, чтобы никто не подумал, что во мне детонируют атомные бомбы. Вальяжно вышагиваю, пересекаю улицу и оскаливаюсь, видя, как некогда лучший друг расселся на лавке у моей тачки, со вкусом накачивая свой организм смолами.

— Думаешь это смешно? — равняюсь я с ним и распинаю его взглядом.

— Думаю, что я чёртов Робин Гуд, — подмигивает он мне.

— В жопу засунь себе свои игры, Аммо.

— Скажи, что не мечтал об этом все эти годы, — указывает он в сторону кофейни, где я оставил Истомину.

— Да мне насрать на эту тёлку! Ясно тебе?

— Да не вопрос, — поднимает он руки вверх и улыбается как маньяк на выгуле.

— Хоть ещё раз её натяни во все щели. Плевать! — отворачиваюсь я и пытаюсь дышать носом, чтобы словить пресловутый дзен.

Не ловится. Фак!

— Трус, — пожимает плечами и рубит Аммо, делая особенно глубокую затяжку.

— Зубы лишние?

— Правда глаза колет?

— Да пошёл ты! — фактически выплёвываю я слова. — В пекло твои споры. В пекло тебя, Раф. Я в это дерьмо снова не полезу, только отмылся.

— Ок, Бас, я понял. Вообще, не проблема. Но фотки голенькие я твои в сеть все же солью — чисто поржать. Уж не обессудь.

— Смотри не порвись от радости, — оскаливаюсь я и решительно направляюсь к тачке.

Прыгаю за руль и стискиваю оплётку с такой силой, что, кажется, ещё чуть-чуть и кожа треснет под моими ладонями.

— Жду тебя вечером, дружище, — орёт Аммо с лавки, и в зеркале заднего вида я замечаю, как сановито улыбается Рафаэль, потирая указательным пальцем под нижней губой.

Показываю ему неприличный жест. Он ржёт. Я втапливаю педаль газа в пол и покидаю парковку.

В жопу это всё!

День спущен в унитаз. Ничего не хочется больше. Ни пить. Ни есть. Ни жить. Уродливое, покрытое язвами и гнойниками прошлое навалилось на меня и вновь придушило до мушек перед глазами. Всколыхнуло мутный ил в душе, обнажая безобразные шрамы. Вспороло и обсыпало солью старые сердечные раны.

Бесит!

Дома как тигр в клетке. И нигде нет покоя. Пытаюсь работать, но взбитые до кровавой каши мозги отказываются систематизировать информацию. Я ментально слеп и глух. И перед глазами как на репите встреча с НЕЙ.

А-а-а!!!

Сколько я смотрел на неё? Три минуты? Пять? Почему её образ, слово клеймо, прикипел к подкорке сознания? Долбаная желчь! Противная до отвращения...

Ненужная. Опостылевшая. Обрыдлая. Мне ничего из всего этого было не надо. Я отряхнулся и пошёл дальше. Давно!

К вечеру перевариваю всё, что было и что есть сейчас. Немного торможу себя и меня более не ведёт на поворотах. Минут сорок тупо пялюсь в стену прямо перед собой, а потом позволяю себе одним глазом заглянуть в прошлое, замурованное под каменной плитой.

Я открываю телефон и проваливаюсь в архив, где в папке, которую я не трогал вот уже три с половиной года, лежат несколько фотографий.

Грязных. Мерзких. Гадких.

Открываю и медленно просматриваю каждую. Подмечаю глазами все нюансы и штрихи: задранную юбку, расстёгнутую блузку, разведённые в стороны бёдра.

Как красиво она меня предавала...с моим же лучшим другом.

Я мог бы дать ей все, что у меня есть. Но эта дрянь предпочла продать нас за пачку бабла.

Блокирую телефон и прикрываю глаза. Медленно выдыхаю из лёгких раскалённый воздух. И всё для себя решаю. Я себе должен. И своей гордости.

Встаю с дивана и иду в гардеробную. Поспешно одеваюсь и, прихватив из бара бутылку односолодового виски, покидаю квартиру. Сажусь за руль и открываю переписку с Аммо.

Улыбаюсь. Грёбаный паук — он уже отправил мне свой адрес. Вбиваю координаты в навигатор и ускоряюсь. Через двадцать минут на месте. Извергающийся вулкан потух — теперь я лишь безмолвная вершина, которая взирает на всех свысока.

Паркуюсь, прохожу в дом и поднимаюсь на нужный этаж.

Аммо открывает мне в одних лишь шортах. Весь расписной, как Сикстинская капелла. Улыбается, прикусывая пирсинг в языке, привалившись плечом к дверному косяку.

— Передумал?

— Угу, — киваю я.

— И какой план?

— Поиграем. Обещаю, больно не будет.

— Лжец, — ржёт Аммо.

Усмехаюсь.

— Да. Будет хуже...

Глава 13 – «А»

Ярослав

— Сестра тоже в Краснодаре? — прохожу я в огромную студию Аммо.

Почему-то я так и думал, что он окопается в чём-то подобном. Типичный американский лофт: бетонные стены, выкрашенные в угольно-чёрные и серые тона, старый кирпич, горелые и грубо обработанные балки на потолке, панорамные окна без каких-либо штор. Одна стена отдана под громадный книжный шкаф до самого потолка, который не меньше пяти метров в высоту от пола. Металлическая винтовая лестница ведёт на второй ярус, где, очевидно, расположено спальное место.

Зато мебель исключительно светлых оттенков: два просторных дивана и чертовски удобное полулежащее велюровое кресло, стоящее у огромного биокамина. Там я и устраиваюсь, вытягивая ноги на выдвижной оттоманке.

— Нет, Адриана укатила в Москву, поступила в ГИТИС. Решила стать актрисой, — ответил Рафаэль, откупоривая бутылку виски и разливая содержимое по роксам, куда предварительно положил по несколько кусочков льда.

— Роза Львовна уже вычеркнула её из завещания? — спросил я, имея в виду мать Аммо.

— Этого не скажу, но скандал был грандиозный, — парень принялся рыскать по холодильнику и кухонным шкафчикам, в поисках сыра, хамона и орехов.

— Дайка угадаю: Адриана укатила покорять столицу без материнского благословения, денег и любимых платьев?

— М-м, нет, — отрицательно покачал головой Аммо высвеченной шевелюрой, — она выскочила за своего Костика и на прощание прописала матери средний палец, мол «на — выкуси». До сих пор не общаются, хотя активно выспрашивают о себе через меня. Короче, еще одно доказательство, что бабы — дуры.

— Да уж. А какой была хорошей девочкой, — хмыкнул я, вспоминая сестру-близнеца Рафаэля. Она была красавицей и имела самый заразительный на свете смех.

— Никогда этого не было, — наконец-то закончил возиться на кухне Аммо и принёс в зону гостиной выпивку с закусками, — иначе бы она училась вместе с нами в гимназии.

— И разнесла бы её в пух и прах.

— Вот именно.

— Бедный Костик, — поднял я рокс, и мы дружно чокнулись.

Затем с минуту пили, каждый думая о своём, но мои мысли были слишком деструктивными, чтобы пока давать им свободу, а потому я снова переключился на Аммо.

— Так ты поэтому никого не пускал к себе в последний год? Боялся, за свою неугомонную сестру?

Раф заметно замялся и отвёл глаза. Он делал так всегда, когда раздумывал над тем, чтобы наврать с три короба.

— Серяк был в неё влюблён как мартовский кот в валерианку, — вспомнил я нашего школьного товарища.

— Я знаю.

— Так поэтому? — продолжал я пытать друга.

— Нет, — дёрнул плечом Рафаэль и натянуто улыбнулся, — мать ненавидела, когда мы устраивали в доме срач. Она за один только десятый класс трижды меняла в гостиной диван. И это уж я молчу про матрас в гостевой спальне.

А я смотрю на него и понимаю — врёт.

— Ну ясно всё с тобой, — поджал я губы.

— Ну что мы всё обо мне, да обо мне, — деланно весело хлопнул себя по коленям Раф, а затем поиграл бровями, вытягивая губы трубочкой. — Как тебе Истома, версия два-ноль?

— А тебе? — медленно облизнулся я и вольготно развалился в кресле, давая понять, что тема для меня малоинтересная. И да, я тоже врал.

— Ах, ты же не знаешь, — почесал указательным пальцем кончик носа Аммо, — наша Вероничка всё-таки свинтила.

Удар в грудь. Не так больно, как тогда, три с половиной года назад, но тоже ощутимо. Но чему я удивляюсь, собственно?

— Куда?

— Да хрен её знает. Но она, так же, как и ты, в гимназию уже не вернулась.

— А квартира её? Только не ври, что не наводил справки.

— Она долго стояла пустая, ближе к лету выставили на продажу, и почти сразу в расход.

— Лёгкое бабло быстро заканчивается, — процедил я, а Аммо в ответ на мои слова лишь долго, прищурившись, смотрел на меня, затем залпом замахнул остатки виски в своём бокале и начислил ещё.

— Всё быстро заканчивается, Бас. Это же грёбаная жизнь.

— Не всё, — почти шёпотом произнёс я, потому что отчётливо понимал, что у меня за рёбрами до сих пор живёт ненависть к Истоминой и бывшему другу, который тоже был с ней.

Наша Вероничка...

От этих его слов мне хотелось со вкусом выкрутить ему все суставы, а потом минимум вечность смотреть на его муки и слушать крики невыносимой боли. И улыбаться.

Говнюк!

— Ну так и вот, — будто бы мы обсуждали прогноз погоды на грядущую неделю, незамутненно продолжил болтать Аммо, — когда я увидел Истомину на первом курсе, то девчонка уже была с апгрейдом в районе талии. Я даже, грешным делом, решил, что она из одной секты любителей бога, переметнулась к солнцеедам.

И ржёт.

— А парни? — осторожно задал я вопрос.

— Так я и не соврал — неприступная скала.

— Папик?

— Возможно, — развел руками Аммо, — но лично я не видел.

Я прикусил нижнюю губу и постарался не реагировать на то чувство явного облегчения от последних слов бывшего лучшего друга. Мне всё равно, пусть бы Истомина хоть половину города через свою постель пропустила.

Вообще плевать!

— Ну ладно. Давай перейдём к главному эпику сегодняшнего дня.

— Максимовской?

— Именно.

— Прости, что не предупредил.

— Я бы тебе и не поверил, если бы сам лично не увидел, как они обнимаются, будто реально стали лучшими подругами.

— Я тебе больше скажу: они живут вместе.

— Да ладно? — форменно выпучил я глаза.

— Вот уже три года, между прочим.

— Так, погоди. А это не твой ход королевой?

— Три года, Бас!

— Ну да...

На этом самом месте я и понял, что дальнейшее обсуждение Истоминой просто не вывезу. Меня и так внутренне нервно колошматило. И где-то глубоко горело странное и совершенно иррациональное предвкушение.

Наконец-то!

Я нашёл повод, чтобы добраться до этой дряни. Ведь сколько раз за эти годы я хотел всё бросить и найти её, а потом трясти до одурения и требовать сказать мне, почему она так поступила. И чего же ей не хватило? Чего я ей недодал?

А потом меня отпускало. Ибо я знал ответ на свой вопрос — бабки. Сраные зелёные бумажки, которые Истомина взяла у моего деда в обмен на свой отъезд из города и безоговорочную точку в нашей с ней истории.

Святая простота...

Больше мы не касались этой грязной темы. Просто пили. Вспоминали школу. Плавание, которое оба забросили. Я чуть приоткрыл завесу своей жизни, Аммо своей.

— Так ты всё ещё одинокий волк? — пьяно растягивая слова, спросил я.

— Ага.

— А что так?

— А у меня нет сердца, Бас. Что-то болтается между ног, вот им и пользуюсь.

— Дегенерат, — заржал я.

— Лапушка, — растянул лыбу Аммо и поплёлся до кухонной вытяжки, где прикурил сигарету и глубоко затянулся, прикрывая от наслаждения глаза. Меня же всего перекосило, ибо я не понимал этого сомнительного удовольствия.

Мы ещё перекинулись парой ничего не значащих фраз, а потом Аммо ушёл в туалет, а я принялся без дела слоняться по гостиной, разглядывая странные картины, висящие на стенах и статуэтки, стоящие у камина. Пока не увидел уголок альбома, выглядывающего из-под диванной подушки.

Открыл первый лист и сразу же узнал её. Кукла: брови вразлёт, огромные глазищи, губы бантиком, лицо сердечком. На некоторых листах она была изображена в балетной пачке: хрупкая и невесомая. На некоторых: полуобнажённая, вытянувшаяся на кровати. А на некоторых: со слезами на глазах.

И на каждой странице лишь одна буква «А».

Я не знал, кто она.

Но я точно понимал — эта ЕГО боль. И мне теперь было жизненно необходимо на нее надавить. Разодрать. И посыпать солью.

За спиной щёлкнула завёртка замка, и я поспешно убрал альбом обратно под подушку.

— Так что, когда начинаешь охоту, Басов-террорист?

— Завтра.

— Правильно! Нечего откладывать дело в долгий ящик, — Аммо икнул и поплёлся ко мне, заваливаясь на диван. — И с чего начнёшь?

— Пока со стандарта. Посмотрим, действительно ли наша Вероничка — неприступная скала.

— Ставки будем делать?

— М-м, нет...

— А я буду, — рассмеялся Аммо, и я вслед за ним.

Глава 14 – Полетели

Ярослав

Вышагиваю между бесконечных рядов с цветами и не понимаю, что нужно выбрать. Розами по лицу не очень-то хочется получать. Там шипы, а Истомина не упустит такого феерического шанса проехаться по моей физиономии.

Ромашки? Слишком просто.

Хризантемы? Банально.

Тюльпаны? Не солидно.

Пионы? Пионы нормально. И по морде, если что, ими получать не больно будет.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — уже во второй раз сунулась ко мне консультант салона.

— Можете, — кивнул я, — мне нужен большой букет.

— Насколько большой?

— Из разряда «прости меня, дурака».

— Ах, всё понятно, — улыбнулась женщина неопределённого возраста и понимающе покачала головой, — тогда розы предлагать не буду. А вот на пионы вы правильно смотрите: нежные, невинные, ранимые. Они заставят вашу девушку простить вам всё на свете.

— Я бы не был так в этом уверен, — скривился я, чувствуя, как по позвоночнику прокатилась неприятная электрическая волна. Мне было чуждо даже краем сознания лепить себя рядом с Истоминой, а уж в устах другого человека статус моей девушки в её роли и вовсе звучал, как нечто за гранью реальности.

— Сколько штук возьмём? Они достаточно объёмные, хорошо будут и двадцать пять смотреться.

— Давайте сотню, — рублю я.

— Без проблем, конечно, но ваша девушка такой букет элементарно не подымет.

— Может оно и к лучшему, — произнёс я задумчиво, потирая подбородок с трёхдневной щетиной. — Ладно, а какой поднимет?

— Пятьдесят пять поднимет.

— Ладно, пусть будет пятьдесят пять. Вот эти белоснежные, пожалуйста, — и я ткнул в те пионы, которые, по моему мнению, вызывали большее доверие к тому, что дело выгорит.

Конечно, прямо так сразу я не рассчитывал сразить Истомину наповал. Но я точно был уверен, что она клюнет на мои бабки. Люди не меняются, а горбатых исправляет лишь могила. Так и с этой звездой — учует, что пахнет шуршащей зеленью и сразу приоритеты начнут менять полюса с северного на южный. И гнев сменит милость. У продажных баб с математикой проблем никогда не бывает.

Осталось только запилить удобоваримое оправдание, чего это я такой красивый вновь на её жизненном пути нарисовался, ну и достоверно навалить в её уши сладчайшей ванили: всё ещё люблю, куплю и полетели.

Я заставлю эту самку человека поверить в то, что счастье может быть возможно. Что будущее, разукрашенное яркими красками, уже маячит на горизонте. А дальше, когда она будет меньше всего этого ожидать, я заставлю её пройти по той дороге, по которой прополз сам. А затем наконец-то поставлю сраную галочку в этой жизненной драме.

И навсегда выкину её псевдоневинный образ из головы.

Переключусь.

И вновь вспомню, как это — дышать полными лёгкими.

Пока мне упаковывали в плёнки и ленты пионы, я сверялся с расписанием пар у Истоминой. Сегодня занятие у неё начинались во вторую смену, что было мне на руку и я тут же, вооружившись белоснежным веником, взял курс на её институт.

По пути что-то глумливо писал Аммо, я что-то отвечал ему, особо не вдумываясь в слова. Обычный мужской, ничего не значащий трёп, в котором мне откровенно желали провалиться по всем фронтам. И пока я внешне спокойно крутил руль, внутри у меня всё бурлило, грозясь прорваться наружу кипучей лавой.

Потому что за рёбрами всё зудело от нетерпения закрыть поскорее для себя этот гештальт. Но в то же время мне хотелось смаковать этот реванш бесконечно долго. Смотреть в её глаза, видеть в них надежду, а затем хладнокровно расстрелять всё в упор.

Что, не понравилось?

Разве тебе больно, милая?

Плевать!

К месту назначения прибываю в самое подходящее время. Паркуюсь максимально выгодно, чтобы как можно большее количество девчонок увидели мою тачку, дабы их завистливые взгляды прикормили эго Истоминой. Вот он я — только для тебя. Явился, не запылился.

И цветочки на перевес.

Глушу движок на своём Ровере и покидаю, охлаждённый кондиционером, салон. Ступаю в сентябрьский зной и кладу букет на капот так, чтобы всем было видно и Истоминой в частности — я настроен предельно решительно.

А она уже тут как тут.

Идёт в компании, очевидно, своих одногруппниц. И на моё счастье, без Максимовской. Щебечет заливисто. Затем группка ненадолго замирает, и все они что-то рассматривают в телефоне. Громко смеются, кто-то даже держится за живот, и только Снежная Королева самодовольно улыбается, сложив руки на груди.

Я позволяю себе полюбоваться ей с минуту. Сегодня она выглядит ещё шикарнее, чем в нашу первую встречу: на ней короткие шорты тёмно-синего цвета на подтяжках, голубая рубашка с подвёрнутыми до локтя рукавами и лоферы на толстой подошве. Густые, блестящие волосы развеваются на ветру, а глаза скрыты под солнцезащитными авиаторами, которые она сдвигает на голову.

Прям соска. Стройная. Подтянутая. Знающая себе цену.

И я готов её заплатить.

Видно, что Истомина немного теряет градус своего интереса к разговорам и начинает лениво скользить взглядом по толпе у институтских ступеней. Замечает девчонок, что жарко глядят в мою сторону. И наконец-то врезается в меня своими обалденными серо-зелёными глазищами.

Только она одна умела так смотреть. Будто бы я всё. Будто бы я ничто.

Короткая дуэль наших взглядов заканчивается слишком быстро и ничьей. Истомина просто отводит глаза и слегка приподнимает недоумённо брови. А затем что-то говорит одной из своих подруг, которые уже принялись пялиться в мою сторону.

Им всем было до усрачки интересно, кто я такой и по чью душу явился. Всем, но не ЕЙ.

Истомина лишь коротко кивнула подругам, расправила плечи и поплыла в сторону института, более не оглядываясь на меня. Ей бы в актрисы, она бы всех уделала на красной дорожке.

Жду, пока она начнёт подниматься по ступеням, аппетитно виляя задом. И тогда я набираю полные лёгкие воздуха и кричу так, чтобы не только она, но и все вокруг меня услышали:

— Вероника!

Она вздрагивает, но даже не замедляется. Всё так и движется плавно, будто бы ей на всех плевать с высокой горы.

— Истомина! — и я не сбавляю своего темпа.

Толпа стихает и замирает в ожидании.

А я довольно улыбаюсь, когда вижу, как она всё-таки притормаживает и медленно поворачивается ко мне. Смотрит волком. Губы поджимает. Весь её облик кричит — я убью тебя.

Я же ей транслирую свой посыл — ну давай, попробуй, я только этого и жду!

Кто-то в толпе начинает свистеть и улюлюкать. А это гарпия всё-таки припускает в мою сторону, пока не останавливается в шаге от меня.

— Что за дешёвые понты и подкаты, Басов? — а я от такой прыти тут же проседаю, потому что, чёрт возьми, как-то не был к ней готов в исполнении Истоминой.

Я помнил её другой.

— Мне захотелось подарить тебе цветы. Нельзя?

— Нет.

— Почему?

— Ты издеваешься?

— Признавать ошибки никогда не поздно, знаешь ли.

— П-ф-ф, — психует, но тут же берёт себя в руки, и эта новая Вероника почему-то пугает меня, — ладно, я подыграю и заодно сэкономлю наше время. Что тебе нужно от меня на этот раз?

Какая умненькая и сообразительная гадина. Но лучше тебе этого не знать. Не понравится — факт.

— Прощение, — беру я цветы и делаю к ней шаг ближе.

— Мне жаль, — отступает она от меня.

— Что?

— Я под чужие дудки больше не танцую. Да и ты опоздал с извинениями на три с половиной года.

— Вероника...

— Так, стоп! — поднимает она повелительно руку, затыкая меня. — Хватит.

— Возьми их, прошу тебя, — протягиваю я ей охапку пионов, но Истомина только кривится, смотря на белоснежные цветы, а затем поднимает на меня совершенно пустой взгляд.

И рубит:

— Ты просто ничтожество, Басов.

Разворачивается и уходит, оставляя тупо ей смотреть вслед и обтекать от первого, но прогнозируемого провала. Вокруг меня стоит гул, кто-то из парней даже осмеливается подойти ближе и сочувственно похлопать по плечу, но я не реагирую на эти жесты мужской солидарности. Лишь прыгаю в тачку, злой как сам чёрт, закидываю веник на заднее сидение и жму на газ, выруливая с парковки. Но практически тут же торможу, замечая, как Марта Максимовская входит в ту самую кофейню, где мы виделись в прошлый раз.

Секунда на раздумье, а затем я снова глушу двигатель и иду выведывать себе чит-коды.

Любой ценой.

Глава 15 - Ок

Вероника

— Ты как? — Марта садится напротив меня и пристально вглядывается в моё лицо.

— Я худею, — шёпотом выдаю я, чувствуя, как в глубине души до сих пор бесконечно детонируют килотонны взрывчатки, разнося мой привычный и устаканившийся мир в щепки.

— Что он тут делал? — кивает Максимовская в сторону выхода, очевидно, имея в виду Басова.

— Клеил меня, пока глаза не разул, — я совершенно забываю, кем был оплачен мой кофе и делаю несколько жадных глотков из высокого бокала.

— Кобелина! — фыркает Марта и остервенело комкает в руках салфетку.

А мне больше и добавить нечего. Я, давно выпавшая в нерастворимый осадок, просто сижу и в ступоре полирую свой маникюр, пытаясь вытравить образ повзрослевшего Басова из сознания.

Три с половиной года пошли ему на пользу. Он возмужал. Кажется, вытянулся ещё на пару сантиметров и стал массивнее. Но в остальном остался тем же — танком, который прёт к своей цели, не заботясь о тех, кого перемалывают в пыль его смертоносные стальные гусеницы.

— Скажи, мы обе думаем об одном и том же? — нахмурилась Марта, чуть касаясь моих ледяных пальцев.

— Случайности неслучайны, — потянула я. — Да и с чего бы вдруг Басову околачиваться у нашего института, если он уже давно и безнадёжно пустил корни в столице?

— Чёртов паук! Так бы и взяла пинцет, а потом медленно, с чувством и расстановкой принялась бы отрывать его мерзкие маленькие лапки, — зашипела подруга, принимаясь с ненавистью месить десертной ложкой в тарелке ни в чём не повинные пирожные.

— Не растрачивай жизненную энергию на дураков, Марта. Аммо — энергетический вампир. Вот он провернул гадость и с предвкушением теперь ждёт от нас реакции. Ручки потирает.

— А вот и хрен ему! — стукнула кулаком по столу Максимовская, и я ей улыбнулась.

— Настрой верный, подруга. Не будем о мудаках?

— Не будем, — кивнула девушка, и мы тут же сменили тему, переключаясь, то на учёбу, то на приют, то на новый блокбастер, который только-только вышел на больших экранах.

Мы болтали обо всём на свете и более не вспоминали Басова и Аммо. Но если в глазах подруги я выглядела нерушимой скалой, то себя обмануть было сложнее. Внутренне я была подорвана почти так же, как это было три с половиной года назад, когда любимый человек хладнокровно вонзил мне нож в спину.

А затем привёл в квартиру, где в спальне был изображён мой портрет, другую девушку. Ту, что травила меня не один месяц по его же наводке. А потом... Несложно догадаться, что он делал с ней, стоило мне только покинуть их периметр.

Меня трясло.

Не знаю, как отсидела пары. Вообще, непонятно, как смогла внятно разговаривать, отвечать на поставленные вопросы и в принципе добраться домой. А там целый вечер корчить из себя девушку, которой всё по барабану.

Но ночью, когда дверь в мою комнату закрылась, и квартиру поглотила темнота, меня наконец-то прорвало. Нет, я больше не плакала. Но тело колбасило так, что казалось, к утру от меня ничего не останется.

А во снах я с разбегу и со скалы прыгала в лживое, прошитое болью, прошлое. Где была я и он. Где я думала, что есть мы. Где меня заставили поверить, что я нужна. Что важна. Что любима.

Наш маяк. Крики чаек. Полароидные снимки. Гирлянда на стенах. И самые сладкие поцелуи на свете.

Проснулась оттого, что задыхаюсь. Потому что всё было так реально, будто бы я изобрела машину времени и снова перенеслась туда, где была обманчива счастлива. И это было безумно страшное испытание для искалеченной души и ещё слабой нервной системы.

Мне, будто бы завязавшему наркоману, насильно вкололи внутривенно дозу любимого наркотика. И вроде бы умом я понимаю, что он меня убьёт, но в кумаре сна хочется ещё и ещё. Снова на дно. Снова с ним. Снова...

Срываюсь с постели и несусь в душ. Встаю под ледяные капли и жду, когда же отпустит это жуткое наваждение. Ни звука не произношу, просто прокручиваю на репите то, как Басов меня предавал.

Забавы ради...

В этом весь Ярослав. Надо лишь помнить о прошлом и никогда его не забывать.

Но новый день готовит новое испытание для моей психики. На этот раз Басов прикатывает к институту уже вооружённый огромным букетом из белоснежных пионов. Что-то сладко мне вещает на своей пикап-волне. А я смотрю на него и от ярости вижу не красивого парня, а уродливое чудовище.

Потому что ничего не изменилось — он как считал меня конченой дурой, так и считает.

— Ты просто ничтожество, Басов.

В этих словах заключены все оттенки моей боли. Я их пережила. Отплакала. Отскулила. Больше играть в себя я не позволю!

Ухожу с высоко поднятой головой, но внутри настолько всё разболтано, что я не выдерживаю и забиваюсь в ближайший закуток и набираю Марту.

— Ты где?

— Ушла в наше кафе, Ник. Я же говорила, что у меня будет окно, хочу выпить кофе и подготовиться к практике у Мартыновой. А что такое?

— Басов опять нарисовался. И не один, а с трупами цветов.

— Вот же неугомонный. И что хотел?

— Ну а как ты думаешь, Марта?

— Вернись, я всё прощу? — рассмеялась Максимовская.

— Ага. Но ты знаешь, я даже слегка удивилась, что он с ходу не пригласил меня на свидание, — фыркнула я и закатила глаза, — держу пари, он до сих пор думает, что я вся та же Кочка и Вешалка.

— Басов способен думать? Я тебя умоляю? У него самомнение и эгоизм перекрывает это жизненно важное качество.

Я смеюсь. С Мартой мне всегда становится легче.

— Да и что ты волнуешься? Он же тебе не собачий корм подарил, а всего лишь цветы. Так что свидание ему точно не светит. Расслабься, подруга.

— Ты не забыла? — удивилась я, припоминая, как ещё на первом курсе сказала Максимовской, что соглашусь дать шанс тому, кто вместо привычных веников подарит мне упаковку собачьего корма для приюта.

— Да, да...

— Ладно, ты меня успокоила, а теперь я побежала учиться. До встречи вечером!

И отключилась.

Но до самого конца учебного дня я ходила по институту и боялась собственной тени, несмотря на то, что Аммо продефилировал мимо трижды, но ни разу даже взглядом меня не удостоил. Я ждала очередной гадости от этих двух пиявок, но ошиблась.

Гадость меня поджидала лишь на следующий день. Зато какая! Забористая. Махровая. Отвратительная!

Стоило мне только выйти из вуза, в компании Марты и ещё нескольких девчонок, как я практически сразу же напоролась взглядом на собственную фамилию. И не где-нибудь, а на рекламных билбордах. И не в единственном экземпляре, а сразу на трёх носителях.

— Клянусь, я убью его! — прошептала я и сжала руки в кулаки, пока кто-то из девчонок охал, кто-то ахал, а кто-то завистливо тянул «какая же ты счастливица, Вероничка!».

Ну точно! Куда орать от счастья?

— Истомина, пошли со мной на свидание, — зачитала вслух содержимое рекламного щита Максимовская и в голос рассмеялась.

— Не смешно, Марта, — огрызнулась я.

— Да ладно тебе, подруга. Басов всегда отличался отменной фантазией. Когда он притащился к тебе всего лишь с букетом цветов, я уж было подумала, что он за эти годы растерял всю хватку, но нет. Всё также продолжает отжигать.

— Поеду-ка я сегодня на общественном транспорте, — прошипела я.

— Ну прости, — приобняла меня Марта, — я просто стараюсь приободрить тебя.

— Больше так не делай, — пробубнила я, а затем в отчаянии вгляделась в чёртовы рекламные щиты с собственной фамилией, прикидывая, что может потребовать от меня Басов взамен того, чтобы убрать это безобразие.

Хрен ему с маслом, а лучше без! Никогда и ничего у него не попрошу, хоть на лбу пусть себе этот же призыв наколет. Плевать!

Вот только поездка домой тоже не закончилась гладко, а главный поставщик гадостей в моей жизни фонтанировал сегодня как никогда. Да, вычислил, где я живу и караулил меня у подъезда. Вот только в этот раз он поджидал меня не с букетом, а кое с чем позабористее.

Я тут же вопросительно зыркнула на Максимовскую, но та сразу подняла руки в защитном жесте.

— Я ничего ему не говорила. Клянусь нашей дружбой, Ника. Я не знаю, как он пронюхал.

— Марта? — почти зарычала я.

— Да не знаю я! — и подбородок её задрожал, а я увидела, сколько паники плещется в глазах лучшей подруги. Нет, не могла она сказать.

— Ладно, — тут же понизила я градус своего давления, — иди домой, а я пока его тут размотаю.

— Ты уверена?

— Более чем, — кивнула я и смело встретилась через лобовое стекло с самоуверенным шоколадным взглядом своего персонального проклятья.

Марта припарковала автомобиль, ободряюще сжала мою кисть, и мы обе покинули салон. Подруга, с пренебрежением поглядывая на Басова, вошла в дом, а я осталась стоять на месте, привалившись задницей к пассажирской двери.

— Привет, Вероника, — сделал ко мне шаг ближе Ярослав.

— Ну привет, — тяжко вздохнула я и сложила руки на груди, чтобы скрыть то, как они дрожат.

— Ты не оценила цветы, и я приволок вот это, — и парень поставил передо мной двадцатикилограммовый пакет корма для собак класса премиум, повязанный алым бантом.

— Как ты узнал? — вопросительно приподняла я бровь и хмыкнула.

— Честно? Подслушивал, — выдал Басов и так заразительно улыбнулся, что мне отчаянно захотелось пересчитать бетонной плитой ему все зубы.

— Ну, допустим, — пожала я плечами, — только вот я искренне не пойму, на что ты надеешься?

— Я уже ни на что не надеюсь. Но мы выросли, Истомина. Разве нельзя хотя бы просто поговорить? Я бы правда хотел сказать, как мне жаль, — ещё шаг ближе и меня коротит от ярости, но я сдерживаю себя из последних сил.

Но, чёрт возьми! Как же мне хочется прописать по этому холеному, самодовольному лицу смачную оплеуху. М-м-м...

— А тебе действительно жаль, Ярослав? — мой голос звучит холодно и отстранённо, но я чувствую, как отчаянно захлёбывается за рёбрами моё сердце.

Бедное. Снова оно страдает из-за этого чудовища.

— Да.

Улыбаюсь. Ну какой забавный персонаж.

— Ну что же ты тогда не позвонил мне за всё это время ни разу и не извинился за то, что повёл себя тогда, три с половиной года назад как свинья, м-м?

— Вероника, — ещё шаг ближе. Почти невыносимо!

— Ой, наверное, некогда было, да?

— Зато сейчас у меня полно времени. Вот он я и готов всё исправить. Пойдёшь со мной в ресторан?

Как всё просто у человека, да? Ну ладно, я тоже научилась играть в эти жестокие игры.

— В ресторан пойду, — рублю я и вижу, как слетает с Басова маска внешней невозмутимости.

— Правда? — его лицо вытягивается, а сам он прищуривается на один глаз, выискивая фальшь в моих словах.

— Ну а что не сходить? Рестораны я люблю, — миролюбиво растягиваю губы в улыбке.

— Оу... супер! Эм-м-м, тогда, может быть, сегодня в семь?

— Завтра в восемь.

— Ладно, — он делает последний шаг ближе и замирает в полуметре от меня. Дуновение ветерка доносит до меня его запах и у меня со свистом вышибает один из предохранителей на моей выдержке.

— Что улыбаешься? Говори какой ресторан?

— Я заеду за тобой.

— Ну это уже перебор, знаешь ли...

— Ладно, — называет место, я киваю, а затем лезу в свою сумку и нахожу в ней визитку собачьего приюта.

— Отвези корм сюда, пожалуйста.

— Ок.

Расходимся. До подъезда иду на ватных ногах. Кровь кипит от адреналина. Уши закладывает от собственной смелости и дерзости.

Ну что я творю?

Скрываюсь за входной дверью и в изнеможении приваливаюсь к ней, устало зажмуриваясь. А через пару секунд выдыхаю.

Что ж, пора согласиться на свидание с Янковским. Да и ему полезно прогуляться по горящим углям, ведь он такой же мудак, как и Басов. Сколько девочек на потоке из-за него плакали? Овердофига! Ну вот и отлично. Выгуляю двух дебилов, себя порадую.

Глава 16 – Не страшно

Вероника

В квартиру возвращаюсь расстрелянной в упор тенью. Но прятаться от подруги не хочу, так же, как и выглядеть слабой, разболтанной шарнирной куклой. У меня все под контролем.

Однозначно!

— У тебя руки дрожат, — забирает у меня сахарницу Марта и кивает на стол, — садись, я сама.

— Спасибо, — шепчу я обескровленными губами.

— А что чай? Может, валерианки сразу бахнем?

— Осади, нормально всё, — отмахиваюсь я и сажусь за барную стойку, но ладони всё-таки предусмотрительно зажимаю между коленей, чтобы не выдавать с головой своё истрёпанное состояние.

Максимовская ещё пару минут тихо суетится на кухне, а затем ставит передо мной мою любимую чашку, в которой уже дымится ароматный чай. По запаху — с чабрецом.

— Ник? — подруга смотрит на меня с каким-то затаённым отчаянием, и я понимаю без лишних подсказок, о чём именно пойдёт сейчас разговор.

Но я только цежу свой горячий напиток и жду, когда же Максимовская обличит мысли в слова.

— Ты до сих пор любишь его, да?

— С чего ты взяла? — осторожно спрашиваю я, получая ментальный пинок в живот.

— Тебя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.